

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА въ Россіи.

Безъ доставки

на годъ . . . 7 р. 50 к.
на 9 мѣсѣц. . . 5 р. 75 к.
на 6 мѣсѣц. . . 4 р. — к.
Отдѣльн. номера по 20 к.
Съ доставк. и пересылкой
на годъ . . . 8 р. —
на 9 мѣсѣц. . . 6 р. —
на 6 мѣсѣц. . . 5 р. —

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

за Границю

на годъ 14 руб.

ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

ПО ЧЕТВЕРГАМЪ.

Статьи и требованія адресуются въ
ред. Сиб. Поворотной пер. д. 5, кв. 11.

ПОДПИСКА

принимается въ Конторѣ—Сиб.,
Надеждинск., д. 19, кв. 32 а
также въ книг. маг., Вол-
фа, Нев., Гостин. дв. № 18.
Въ Томскѣ—въ книжномъ
магазинѣ Масуина.

Въ Иркутскѣ—въ Конторѣ
Редакціи газеты «Сибирь»
Въ Омскѣ—въ книжн. ма-
газинѣ Александрава.

СОДЕРЖАНІЕ: Важный вопросъ для Сибирскаго крестьянства. — Податные платежи въ Сибири. — Хроника. — Корреспонденціи: съ Кобы, Дурбельджина, съ Западно-Китайской границы, изъ Тобольска, Енисейска, Красноярска, Хабаровки и Казалинска. — Жизнь и труды А. П. Шапова. П. Ядерсеви. — Замѣтка объ Амурскомъ дѣлѣ по поводу статьи А. И. Заборинскаго. Д. И. Завалишина. — Сенаторская ревизія (очеркъ изъ туркестанской жизни). В. С.—Городская жизнь (изъ вѣстной книжки туркестанскаго туриста). Стихотвореніе. В. С.—Хроника жизни за недѣлю.—Библиографія: Памятники Сибирской исторіи XVIII вѣка.—Объявленія.

ВАЖНЫЙ ВОПРОСЪ ДЛЯ СИБИРСКАГО КРЕСТЬЯН- СТВА.

Мы получили свѣдѣніе, что въ министерствѣ финансовъ разсматривается вопросъ о податной реформѣ въ Сибири. Вопросъ этотъ въ высшей степени важенъ для большинства податного населенія этого края. Принимая во вниманіе, что съ нимъ связаны интересы и благосостояніе крестьянства, облегченіе тягостей, лежащихъ на немъ, онъ важнѣ многихъ второстепенныхъ вопросовъ, которые затрогиваемъ мы, журналисты. Къ сожалѣнію, о податной системѣ въ Сибири, ея тягостяхъ, способахъ разложенія въ мѣстныхъ обществахъ и о связи податныхъ налоговъ съ другими повинностями, а также о пропорціональномъ отношеніи ихъ между собою мы весьма мало знаемъ.

Изъ таблицы и отчета, опубликованныхъ на-дняхъ*), мы видимъ, что министерству финансовъ извѣстны лишь число окладныхъ душъ въ Сибири, платежи въ казну, причитающіеся на душу, и недоимки съ души. Цифры эти мы приводимъ ниже, для того, чтобы мѣстные жители и знатоки крестьянскаго вопроса въ Сибири могли принять эти данныя къ свѣдѣнію, комментировать и пополнить ихъ своими замѣчаніями. Весьма важно, для правильнаго пониманія дѣла, знать, что показывается въ канцелярскихъ отчетахъ и какъ съ этимъ сходится то, что выражается въ жизни.

Затѣмъ, сравнивая податныя таблицы по губерніямъ Европейской Россіи и Сибири, мы находимъ слѣдующую разницу. Въ-первыхъ, рядомъ съ подушнымъ окладомъ есть графа, которая остается для Сибири пробѣломъ. Въ російскихъ губерніяхъ указавъ средній надѣлъ земли на душу и платежи, причитающіеся на десятину. Въ Сибири такой расчетъ невозможенъ за недостаткомъ данныхъ по землепользованію. Является вопросъ: можетъ ли быть здѣсь высчитанъ этотъ

платежъ на землю въ виду переложенія подушной подати? Сколько мы знаемъ, безъ разрѣшенія поземельнаго вопроса и окончательнаго надѣла землей государственныхъ крестьянъ Сибири, это весьма затруднительно. Мѣстными же административными соображеніями даже и приблизительно этотъ вопросъ въ сибирскихъ канцеляріяхъ разрѣшенъ быть не можетъ. Въ Сибири не было ни изслѣдованій надъ хозяйствомъ, ни оцѣнки земли, ни кадастра; самое количество пользованія землею въ крестьянскихъ обществахъ не приведено въ извѣстность.

Но если вопросъ поземельный не можетъ быть разрѣшенъ безъ указанныхъ подготовительныхъ работъ, то желательно было бы собрать и получить свѣдѣнія о способахъ разложенія податей на членовъ крестьянской общины и соразмѣрномъ владѣніи ихъ землею въ различныхъ крестьянскихъ обществахъ, чтобы убѣдиться въ томъ, какъ отражается нынѣшняя подушная система на поземельномъ пользованіи, и въ какомъ направленіи могла бы быть улучшена податная система.

Если надѣлъ землею въ Сибири еще можетъ считаться преждевременною реформою, о чемъ не разъ уже заявлялось, если его невозможно сразу совершить,—то, тѣмъ не менѣе, нельзя не видѣть, что нынѣшнее подушное обложеніе страдаетъ многими недостатками и ложится несоразмѣрно. Это доказывается повсемѣстными жалобами крестьянъ: имъ приходится платить не за дѣйствительныя души, а за фиктивные ревиженія, причемъ одни платятъ за мертвыхъ и убылыхъ, а у другихъ крестьянъ взрослые производительныя силы пользуются льготою. Подушная подать не принимаетъ во вниманіе состоятельныхъ лицъ и пользующихся большимъ количествомъ земли; неравнобѣрность эту крестьянскія общества поправляютъ нынѣ внутреннею раскладкою, и въ этомъ выражается одна изъ своеобразныхъ сторонъ общинной жизни. Въ Сибири, при отсутствіи передѣловъ земли, общинная связь въ этомъ только и заключается. Между тѣмъ, круговая порука, какъ извѣстно, также имѣетъ свои тяжести для нѣкоторыхъ членовъ. Разобрать эти условія и представить дѣйствительную картину крестьянской жизни въ высшей степени важно.

*) Статистическія данныя по прямымъ налогамъ. Изд. Департ. Окладн. Сборовъ. С.-Петербург., 1883 г.

Любопытно взглянуть и исследовать, как крестьянство уравнивает само в различных мѣстах раскладку, как оно облагает своих членовъ. Такіе свѣдѣнія въ Россіи дали поучительные примѣры по исследованиямъ Трирогова. Еще болѣе любопытные выводы они могутъ дать въ Сибири. Матеріалъ этотъ и долженъ служить для разрѣшенія податнаго вопроса.

Весьма важно также знать способы примѣненія и взскаканія какъ податей, такъ и недоимокъ въ Сибири, для сравненія съ принятыми способами въ Европейской Россіи. Мы не будемъ дѣлать ни преждевременныхъ выводовъ, ни указаній для разрѣшенія этого вопроса. Можемъ только думать, что едва ли разрѣшеніе его, безъ введенія въ Сибирь земства, будетъ мыслимо. Даже собраніе достовѣрныхъ свѣдѣній для правительства, безъ помощи этого земства и земскихъ комиссій, будетъ невозможно.

Пока мы обращаемся къ нашимъ корреспондентамъ и знаемъ лицамъ, приглашая ихъ откликнуться и дать намъ свои соображенія и мнѣнія по этому вопросу, для чего и открываемъ столбцы своей газеты. Позволимъ себѣ также указать на ту же текущую задачу и мѣстнымъ органамъ сибирской печати. Если въ настоящую минуту и не можетъ быть достигнуто разрѣшеніе этого вопроса, то такимъ путемъ, а крайней мѣрѣ, могутъ быть указаны пріемы его разрѣшенія, а также тѣ мѣры, какія могутъ быть приняты къ облегченію крестьянскихъ податныхъ тягостей при существующихъ условіяхъ.

ПОДАТНЫЕ ПЛАТЕЖИ ВЪ СИБИРИ.

Иркутская губернія.	Число окладныхъ душъ.	Платежа въвиду, на душу		Недоимки по 1 янв. 1882 г.	
		Присл. р. к.	на душу.	р. к.	р. к.
Крестьяне б. государственные	75,641	4 16	1 10		
Сельско-поселенцы	14,861	2 48	11 42		
Инородцы осѣдлые	3,616	4 09	— 20		
» кочующіе и бродячіе	52,517	— 51	— 02		
	146,635				
Енисейская губернія.					
Крестьяне б. государственные	93,959	3 98	1 96		
Сельско-поселенцы	21,606	2 61	8 65		
Инородцы осѣдлые	1,608	4 09	— —		
» кочующіе	6,798	— 36	— —		
	123,971				
Забайкальская область.					
Крестьяне б. государственные	49,596	3 53	1 —		
Казаки	33,006	— 43	— 09		
Сельско-поселенцы	4,520	2 74	20 41		
Инородцы осѣдлые	3,655	1 40	3 01		
» кочевые и бродячіе	61,62	— 52	— 01		
	151,799				
Якутская область.					
Крестьяне б. государственные, платящіе оброчную подать	2,467	4 14	4 80		
Сельско-поселенцы	1,441	2 62	9 04		
Кочевые и бродячіе инородцы	107,335	— 38	— 19		
	111,243				
Тобольская губернія.					
Крестьяне б. государственные, платящіе оброчную подать	411,198	6 68	3 39		
Крестьяне б. помѣщичьи	207	1 54	25 31		
Сельско-поселенцы	2,471	4 44	62 56		
Осѣдлые инородцы	16,318	1 37	4 79		
	642	— 39	7 37		
Бухарцы, платящіе оброчную подать	49	5 82	23 47		
» полные собственники	1,685	3 78	9 37		
Кочующіе и бродячіе инородцы	1,423	— 11	— 04		
	433,993				

Томская губернія.			
Крестьяне б. государственные	83,831	5 14	3 38
Крестьяне б. заводскіе	193,314	3 20	— 30
Сельско-поселенцы	99	4 27	112 99
Инородцы осѣдлые	9,869	1 59	— —
» кочующіе и бродячіе	7,139	— 32	— —
	304,252		
Бухарцы	55	4 28	— —
	294,252		

Во всѣхъ этихъ губерніяхъ, по официальнымъ свѣдѣніямъ, указанія среднего надѣла на душу нѣтъ, нѣтъ также и того, сколько платежей причитается на десятину.

ХРОНИКА.

Въ петербургскихъ газетахъ иногда неожиданно выплываютъ сибирскіе вопросы, хотя и не тѣ, какіе заслуживаютъ вниманія. Г. Туровскій знакомитъ въ «Виржевыхъ Вѣдомостяхъ» съ промысломъ хищническаго золота, стараясь придать ему особое значеніе:

«Лишь только наступитъ лѣто, пора, когда добыча золота находится въ самомъ разгарѣ, вокругъ золотыхъ пріисковъ, особенно же тѣхъ, гдѣ золота добывается достаточно и заработы рабочаго малы, появляются цѣлыя шайки скупицковъ золота и начинается хищническая торговля. Ночью, въ лѣсу, на близъ лежащей горѣ, появляется огонекъ—это сигналъ, чтобы рабочіе выходили въ то мѣсто съ золотомъ. Они, дѣйствительно, выходятъ туда, сдаютъ золото, получаютъ за него спиртъ и все имъ пужное и возвращаются на пріискъ. Сцена заканчивается общей попойкой въ рабочей казармѣ. Знаюки дѣла говорятъ, что въ Сибири, по крайней мѣрѣ, на десять миллионовъ рублей крадутъ ежегодно золота. Какъ ни громадна эта цифра, но если бы этимъ только ограничивалось все дѣло, то тутъ теряла бы одна только золотопромышленность, тогда-какъ отъ хищничества золота деморализуется вся Сибирь и даже Россія. Дѣло въ томъ, что скупъ краденаго золота сформировался въ стройную, колоссальную разбойническо-мошенническую систему.»

Далѣе, авторомъ описывается подробно вся организація промысла: воровство, скупъ изъ первыхъ рукъ, изъ вторыхъ и т. д. О вывозѣ тайнаго золота говорится:

«Прежде всего два пути для этого: черезъ Ковно, разумѣется посредствомъ евреевъ, на границу и черезъ нижегородскую ярмарку по всей Россіи; раньше же еще Макарія былъ третій—ирбитская ярмарка. Но въ Ирбитѣ у одного енисейскаго купца полиція конфисковала 4 пуда краденаго золота и когда на нижегородской ярмаркѣ нѣсколько разъ случалось такъ, что купили большія партіи хищническаго золота и не заплатили за нихъ, то въ Ирбитѣ перестали возить, а на нижегородскую ярмарку лишь изрѣдка и то небольшими количествами. Масса же краденаго сибирскаго золота потекла въ Пруссію. Впрочемъ, въ послѣдніе два-три года, для воровскаго золота открылись два новые рынка: Одесса и Кяхта. Въ первую, благодаря должно быть непрерывному рельсовому пути отъ Нижняго, везутъ одинъ только евреи золото для промѣна тамъ на неободренный табакъ и другіе контрабандные товары. Въ Кяхтѣ же золото обмѣниваютъ на чай, который, само собой разумѣется, привозится всегда помимо иркутской таможни. На сколько спокойно, открыто и безопасно совершаются всѣ операціи съ краденымъ золотомъ въ сибирскихъ золотопромышленныхъ центрахъ, настолько провозъ похищеннаго металла изъ центровъ дальне сопряженъ съ тайной и рискомъ. Везутъ обыкновенно на почтовыхъ такіе люди, на которыхъ всего менѣ можетъ пасть подозрѣніе: какойнибудь акцизный чиновникъ, модная дама, ктонибудь другой въ этомъ родѣ.»

При очеркѣ такой огромной и искусной организаціи, читатель невольно задаетъ вопросъ: что же тутъ подълаемъ? Дѣйствительно, скупъ тайнаго золота, практикуемый десятки лѣтъ, неуслѣдимъ, а если и открывали провозъ золота въ Сибири, то металлъ этотъ все-таки куда-то исчезалъ. Жандармскій надзоръ въ Сибири, хотя и не по

прямой своей обязанности, принимался слѣдить за этой торговлей золотомъ: что этотъ надзоръ находилъ золото, доказательствомъ служить то, что онъ получалъ съ золотопромышленниковъ по 1 р. съ рабочаго; но какое это было золото: «тайное» или «явное» — мы не знаемъ.

Дѣло въ томъ, какъ говорятъ люди опытные и практика, что похищеніе золота прекратить невозможно. Рабочій, при вынѣшенной платѣ 2 р. за золотникъ, предпочтетъ нести его въ другія руки, напримеръ, китайцамъ на Амурѣ, гдѣ можетъ продать за 4 р. 50 к. Золото будетъ течь туда, гдѣ дороже даютъ. Прекратится это только съ свободой золотого промысла и съ свободой продажей золота, въ частныя руки, какъ въ Калифорніи. Это будетъ зависеть отъ измѣненія самыхъ возрѣвій на золотое дѣло и всей его организаціи.

Не лишено правды и слѣдующее примѣчаніе одной петербургской газеты, дѣлающей выписку изъ статьи г. Туровскаго: «Но не буди выгоды красть его рабочимъ, для чего прежде всего необходимо, чтобы положеніе промышленнаго люда было улучшено, не было бы и этого преступнаго промысла».

Въ концѣ концовъ выходитъ, что вопросъ не въ похищеніи и провозѣ золота за границу, что есть послѣдствіе системы и ненормальныхъ условій рабочаго, а въ самой системѣ разработки, въ золотопромышленныхъ привилегіяхъ и въ положеніи рабочаго, на что указывали не разъ какъ наши статьи, такъ и статьи другихъ сибирскихъ газетъ.

Въ примѣръ того, до какой степени нарушаются въ Сибирѣ права частной поземельной собственности, приводимъ слѣдующее волюющее объявленіе, напечатанное въ „Томскихъ Губ. Вѣд.“: „Несмотря на то, что въ „Томскихъ Губ. Вѣд.“ 1878 года, въ №№ 22, 23 и 24, и 1879 г. въ №№ 19, 20 и 21, я объявлялъ, чтобы никто безъ позволенія моего не вѣзжалъ, для гулянокъ и охоты (при чемъ ломаютъ и жгутъ лѣсъ и вытаптываютъ лошадьми траву) въ мои дачи, и въ объявленіи 1878 года указалъ тѣ высканія, которыя по закону должны быть за это дѣлаемы,—многіе изъ жителей Томска, безъ всякихъ съ моей стороны дозволеній, вѣзжаютъ, для своихъ гулянокъ, въ мою дачу на Ушайкѣ, называемую „Толстый Мысъ“. Въздъ этотъ, нарушающій права чужой собственности, дѣлается настолько нахально, что когда мой лѣсной сторожъ обращается къ подобнымъ людямъ о томъ, что безъ письменнаго моего заявленія онъ не можетъ никому позволить гулять въ моей дачѣ, то они, надѣясь на свою численность и силу, а иногда и званіе, встрѣчаютъ заявленія насмѣшками, а часто и ругательствами и остаются спокойно на мѣстѣ, разводятъ огни и вытаптывая лошадьми траву, какъ будто бы дача моя составляла ихъ собственность. Принявъ къ преслѣдованію этого сторога мѣры, я считаю нужнымъ заявить объ этомъ всѣмъ, желающимъ и нарушать и права моей собственности и предваряю ихъ, чтобы они не были въ претензіи, если усиленный мною, вслѣдствіе всего означеннаго выше, караулъ, несмотря на званіе, представитъ ихъ, или только захваченныхъ у нихъ лошадей, въ полицію.»

Подписано: землевладѣлецъ такой-то. Хорошо, что въ Сибирѣ не очень много землевладѣльцевъ, а то бы они завалили газеты объявленіями, полиціи были бы загружены народомъ, а копытоны—захваченными лошадьми. Думать это даетъ то основаніе, что граждане здѣсь большіе охотники до „гулянокъ“, а препятствій имъ, при сибирской широтѣ и привольи, доселѣ къ этому не поставлялось.

Въ „Владивостокѣ“ пишутъ:—На далекомъ сѣверѣ, въ Петропавловскѣ, въ Камчаткѣ, недавно открыта бібліотека, что доказываетъ потребность въ чтеніи у мѣстныхъ жителей; между тѣмъ, бѣдность, а также отдаленность края лишаютъ возможности удовлетворять эту потребность. Желая помочь петропавловскимъ жителямъ, редакція „Владивостока“ обращается съ просьбой ко всѣмъ—жертвовать книги и журналы, присылая ихъ въ редакцію, для отправки въ означенную бібліотеку.

Въ Иркутскѣ, какъ насъ извѣщаютъ, скончался извѣстный миллионеръ И. И. Базановъ. Онъ, подобно г. Хаминову, имѣлъ обширныя дѣла по иркутскимъ и нажилъ состояніе въ нѣскольکو миллионовъ. Дочь его была выдана за члена совѣта главнаго управленія Восточной Сибирѣ, что облегчало много его дѣловыя отношенія къ мѣстной

администраціи. Хотя общественною дѣятельностью и даже благотвореніемъ покойный не отличался по исторіи жизни подобныхъ лицъ, но вліянію и значенію ихъ, заслуживаетъ собранія біографическихъ свѣдѣній, для освѣщенія типа лицъ и дѣятелей, которыхъ рождаетъ общество.

Въ газетѣ „Восточное Обозрѣніе“, въ № 13, было напечатано изъ Томска, что время проводится тамъ отлично, благодаря слукотѣ и „генералу“, и что въ выигрышѣ только нѣкоторыя винокуренныя заводчики, выкуривающіе вѣхомолку спирта.

Надзиратель 5-го акцизнаго округа, надворный совѣтникъ Рыкачевъ, почелъ необходимымъ увѣдомить насъ при бумагѣ за № 113, что „стоя въ главѣ Томскаго акцизнаго округа, онъ считаетъ долгомъ довести, что все напечатанное о безъ акцизномъ винокуреніи принадлежитъ къ области вымысла. „Стоящій во главѣ акцизнаго округа“ указываетъ, что округъ ревизованъ ревизоромъ губернскаго акцизнаго управленія, заводы осматривались и другими чинами, и при всѣхъ ревизіяхъ не обнаружено и тѣмъ къ какому либо злоупотребленію. Взаключеніе, „стоящій во главѣ акцизнаго округа“ думаетъ и считаетъ въ правѣ высказать желаніе, чтобы корреспонденція содержала въ себѣ фактическія данныя. Давая мѣсто сему письму, охотно и мы присоединяемся къ этому желанію, хотя должны сказать, что эти фактическія данныя—охъ, поди, какъ трудно добывать!

Въ одномъ изъ сибирскихъ интендантскихъ вѣщевыхъ складовъ, при торопливой передачѣ военной амуниціи и обуви, произошла ошибка. Передано было въ мѣстный батальонъ лишняго сапожнаго товара 2,000 паръ и 1,000 подошвъ. Передавшій чиновникъ засуетился, обратился къ военному получателю, но тотъ не нашелъ передачи, а увѣрялъ, что въ его цейхаузѣ лишняго ничего не можетъ быть. Послѣ учетовъ и настояній, говорить, онъ долженъ былъ возвратитъ часть переданнаго, по 1,000 подошвъ и 2,000 паръ, на 390 р., такъ и не отыскалось. Потерялъ, однако, не тотъ, который утратилъ лишній товаръ а тотъ, кто ошибъ. Вѣдныи отставленный чиновникъ остался въ недоумѣніи, за что онъ уволенъ. По мѣстному возрѣвію реэумируется, однако, это легко: „Не вводи во искушеніе!“

Въ „Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ“ напечатано:—Признавая полезнымъ, въ интересахъ мѣстнаго управленія, имѣть руки печатнаго органа, въ которомъ бы наивозможно всесторонне выражалась административная и общественная жизнь степнаго края, г. степнаго генералъ-губернаторъ, генералъ-лейтенантъ Колпаковскій, намѣренъ оказать содѣйствіе расширенію издающихся въ г. Омскѣ „Акмолинскихъ Областныхъ Вѣдомостей“. Принимая во вниманіе, что возможность такого расширенія обусловливается, прежде всего, доступностью того матеріала, который можетъ быть отпечатанъ въ проектируемомъ органѣ, а затѣмъ и наличностью, въ составѣ редакціи, возможно большаго числа литературныхъ силъ, генералъ Колпаковскій обратился къ гг. губернаторамъ и другимъ лицамъ съ просьбою: 1) прислать въ составъ редакціи такихъ лицъ, которыя могутъ быть полезны доставленіемъ ей свѣдѣній географическихъ, историческихъ, археологическихъ, этнографическихъ, экономическихъ, статистическихъ и проч., и 2) сообщить редактору ихъ, г. Козлову, секретарю акмолинскаго статистическаго комитета, тѣ матеріалы и свѣдѣнія, которые могли бы быть достояніемъ печати.

„Новое Время“ помѣстило слѣдующую бібліографическую новость: „Г. Жолкѣвскій перевелъ на англійскій языкъ съ польскаго «Сибирскія картины» Нѣмовскаго въ двухъ томахъ. Лондонскій «The Athenaeum» съ похвалою отзывается объ этихъ путевыхъ запискахъ, находя, что имъ чуждо до пристрастія, съ какимъ написаны многія изъ существующихъ описаній Сибирѣ. Авторъ мало говоритъ о себѣ и о пережитыхъ имъ невзгодахъ. Первая часть его описанія почти всецѣло посвящена разсказу о дикихъ обитателяхъ Сѣверной Сибирѣ. Каждая изъ народностей описана особю. Тунгусъ отличается любовью къ дѣтямъ, которая въ немъ сильнѣе даже его необычайной страсти къ чаю и табаку. Очень трогательная исторія разсказана о старомъ тунгусѣ, всѣмъ пожертвовавшемъ, лишь бы жить въ близъ съ своей дочерью, которая вышла замужъ за русскаго поселенца и третируетъ своего отца съ холоднымъ презрѣніемъ, несмотря на все его заиски-

ванія и подарки. Полной притивоположностью является отец-гилякъ, хладнокровно убивающій своих дѣтей. Бывали случаи, что полицейскій агентъ входилъ въ избы, гдѣ только что совершенно было звѣрское убійство. Всѣ отъ мала до велика, рассказываетъ авторъ, умѣли тутъ разыграть комедію, мастерски маскируя нарушение семейнаго мира. Якуты славятся своимъ терпѣніемъ и упорствомъ, становясь автоматами подъ дѣйствіемъ суроваго климата. Бураты кровожадны и неспособны къ культурѣ. Въ средѣ русскихъ поселенцевъ почти всездѣ господствуетъ довольство и благополучіе. Г. Нѣмойовскій считаетъ отличительными чертами сибирскихъ колонистовъ ихъ «необыкновенную проникаемость и здравый смыслъ», хотя, съ другой стороны, они выказываютъ полное отсутствіе нравственнаго развитія и сердечности. По мнѣнію автора, Сибири предстоитъ великая и блестящая будущность».

Вѣроятно, въ этомъ сочиненіи есть своего рода промахи. Напримеръ, едва ли можно сказать, что бураты, занимающіеся пашнѣмъ земледѣіемъ, неспособны къ культурѣ. Что касается «великаго будущаго Сибири», то это, вѣроятно, очень польстить сибирякамъ. Но вѣдь это будущее, а вотъ настоящее-то, кажется, незавидно.

На дняхъ вышли 2-мъ изданіемъ „Занскіи Сибирскаго Охотника“ Черкасова. Книга эта, заключающая, помимо описанія сибирской охоты на разныхъ звѣрей, еще прекрасные очерки сибирской природы и типы сибирскаго крестьянина-промысленника, составляетъ одно изъ цѣнныхъ для сибиряковъ сочиненій. Въ немъ отражены необыкновенная наблюдательность автора и способность передать близко сибирскую обстановку. Многими своими достоинствами книга обязана близости автора къ народу.

Появилось объявленіе о книгѣ: „Завоеваніе Восточной Сибири, Якутскіе казаки. Очеркъ А. Манькина-Невструева. Цѣна 60 к., складъ: Москва, книжный магазинъ Смирновой, Моховая ул.“

Вышла книга К. Скальковскаго: „Русская Торговля въ Тихомъ Океанѣ. Экономическое изслѣдованіе русской торговли и мореходства въ Приморской области Восточной Сибири, Корей, Китаѣ, Японіи и Калифорніи“. Изданіе министерства финансовъ, т. XIII. Цѣна 2 р. (Магазинъ «Нов. Времени»).

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

Съ **Кобы** (корресп. „Вост. Обозр.“)—резиденціи комиссаровъ о разграниченіи—отъ 26-го іюня, намъ пишутъ:

„Относительно проведенія границы идутъ еще переговоры, вырѣшеннаго еще ничего нѣтъ. 21-го числа было небольшое происшествіе: китайскій комиссаръ засталъ своего носильщика и конюха играющими въ карты на деньги. За это онъ рѣшилъ казнить ихъ обоихъ, но по просьбѣ второго комиссара ограничился тѣмъ, что у обоихъ на лѣвой рукѣ отрубилъ пальцы—одному четыре, другому два. Оба эти шалуна теперь въ русскомъ лазаретѣ, гдѣ имъ заливчаютъ руки“.

Изъ **Дурбельджина** (корресп. „Восточ. Обозр.“). 23-го іюня казнили киргиза рода Аквайманъ за кражу лошадей. Киргизы этого рода, въ числѣ до 200 кибитокъ, перекочевали въ русскіе предѣлы, гдѣ большинство ихъ родовичей. Это бывшіе кочевники сѣверо-восточнаго берега озера Зайсана, откочевашіе въ 1874 году отъ притѣсненія русско-подданныхъ киргизъ, такъ-какъ не были причислены русскими вслѣдствіе того только, что берегъ этотъ не вошелъ въ наши предѣлы. Урожай хлѣба и травы плохой по случаю засухи.

Съ **западно-китайской границы** (корресп. „Вост. Обозр.“). По извѣстіямъ изъ Кульджи, китайско-подданныя народности Илійскаго края усердно заняты хлѣбопашествомъ, реставрированіемъ городовъ и,

въ особенности, устройствомъ новаго города—резиденціи цзянь-цзюня. Надъ стѣною этого города работаетъ до 6,000 человекъ китайскихъ солдатъ, калмыковъ и мусульманъ. Стѣна городская возведена уже выше половины; она будетъ готова къ осени этого года, но дома управленія (дичини) и казармы не могутъ быть вполнѣ закончены въ нынѣшнемъ году, такъ-что переселеніе илійскаго цзянь-цзюня въ настоящую его резиденцію общается быть только въ будущемъ. Рабочіе получаютъ поденную плату и муку. Разъ, въ муку оказалась, говорятъ, вредная примѣсь, отчего будто-бы умерло нѣсколько человекъ; тогда цзянь-цзюнь привлекъ къ ответственности интендантскихъ дѣятелей-чиновниковъ и подрядчиковъ, и даже казнилъ нѣсколькихъ.

Во всѣхъ дѣйствіяхъ китайцевъ замѣтно стремленіе устроиться самимъ получше въ краѣ и устроить такъ же своихъ людей, дайчинско-подданныхъ. Они заботятся прежде всего о пашняхъ и арыкахъ, хотя пашнѣ же возобновить главный арыкъ на казенный счетъ, стараются имѣть въ краѣ побольше своего хлѣба, нисколько не нуждаясь и не зависѣть отъ насъ въ предметахъ житейской-необходимости, и тѣмъ удешевить мѣстную жизнь. Оставшіеся у китайцевъ таранчи получили отъ правительства по 4 шина *) сѣмянъ проса и пшеницы для посѣвовъ, но они все это съѣли по нуждѣ, не засѣяли полей и живутъ теперь заработками—рубкой лѣса для постройки новаго города, причемъ получаютъ по 3 руб. за 15 рабочихъ дней, и другими промыслами; остальные, не занятые работами на казенныхъ постройкахъ, получили хлѣбныя сѣмена отъ китайскихъ купцовъ и засѣяли пашни на условіи изъ трети. Ячменя не сѣяли. Сибинцамъ-землепашцамъ китайцы отвели на территоріи бывшаго сѣвернаго нашего участка массу земель, на которыхъ сдѣланы большіе посѣвы. Въ настоящее время, цѣны на продукты стоятъ въ Кульджѣ такія: мука за пудъ 2 руб. 50 к.,—3 руб., за хо 10—12 руб., пшеница за хо 8—9 руб. Большую услугу оказалъ китайцамъ въ этомъ отношеніи пароходъ компаніи Вали-ахунъ-Паковскій, возившій въ Суйдунъ хлѣбъ изъ Джаркента, гдѣ мука стоитъ по 1 руб. 60 коп. за пудъ. Пароходъ совершилъ до Суйдуна первый рейсъ благополучно и возвратился къ Джаркенту.—Самъ цзянь-цзюнь, на-дняхъ, будетъ объѣзжать Илійскій край и, вѣроятно, обславитъ свое путешествіе большою торжественностью и внушительностью.

Въ началѣ мая, многие изъ таранчинцевъ ѣздили въ Суйдунъ получать чиновные шарки и утвержденія въ должностяхъ. Баба-ходжа назначенъ помощникомъ Хакимбека **); на должностъ же Хакимбека никто еще не опредѣленъ. Бекзадбекъ назначенъ казначеемъ (казначей—министерская должностъ).

Китайско-подданные таранчи чувствуютъ и ведутъ себя въ отношеніи русско-подданныхъ сартовъ и таранчей иначе, чѣмъ прежде: не позволяютъ родниться съ ними, выдавать имъ дочерей замужъ. Впрочемъ, несмотря на все это, ходятъ слухи, что многие изъ оставшихся у китайцевъ таранчей рѣшились выселиться въ наши предѣлы послѣ уборки хлѣбовъ; сѣтованія на худые порядки раздаются и со стороны сибинцевъ;—они тоже не прочь поднасть русскому управленію, которое предпочитаютъ родному китайско-маньчжурскому; особенная симпатія къ русскимъ сибинцы являла во время прибытія парохода „Колпаковскій“ съ хлѣбомъ къ Суйдуну.

По уходѣ русскихъ изъ Кульджи, китайцы и другіе дайчинско-подданные обшарили всѣ дома и воспользовались всѣмъ, чѣмъ воз-

*) 4 шина = около 1 1/2 пуда.

**) Правителемъ народонаселеніемъ мусульманскимъ.

можно было: повымали двери, косяки и проч. Недавно, говорят, они забрались и въ нашъ запертый православный храмъ и пообчистили его, насколько могли.

Тобольскъ (корресп. „Вост. Обозр.“). Въ Тобольскѣ нѣсколько новостей, обращающихъ на себя вниманіе. Начнемъ съ появившагося въ № 27 „Губ. Вѣдом.“ объявленія губернскаго прокурора, г. Соколова: „Убѣдившись въ распространеніи злонравіи людьми ложныхъ и лишенныхъ всякаго основанія слуховъ о мнѣхъ распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ, долгомъ считаю просить какъ должностныхъ, такъ и частныхъ лицъ: по вѣмъ могущимъ возникнуть недоразумѣніямъ обращаться лично ко мнѣ, ежедневно отъ 12 ти до 3 хъ часовъ дня, за исключеніемъ праздничныхъ дней, въ камерѣ моей, въ зданіи присутственныхъ мѣст“. Слѣдуетъ подпись. Что это возвѣщаетъ, и о какихъ слухахъ говорится—мы собственно не знаемъ.

Надняхъ у насъ проводили въ трехмѣсячный отпускъ начальника губерніи, В. А. Лысогорскаго, побѣжавшаго въ Россію. Нѣкоторые говорятъ, что его пре—ство болѣе не вернется въ Тобольскъ. 26 го іюня сдѣлана закладка новыхъ воинскихъ казармъ. Подрядчикъ по постройкѣ ихъ—омскій еврей Колпаковъ, извѣстный по этой части строитель; постройка казармъ производится здѣсь подъ наблюденіемъ инженера г. Семенова, также изъ Омска. Канавы для закладки казармъ, по ширинѣ, вверху достигаютъ пяти четвертей, а съ углубленіемъ внизъ, постепенно ширина эта суживается и равняется лишь 3-мъ съ небольшимъ четвертямъ. Это, впрочемъ, молва народная; она же усматриваетъ въ этомъ непрочность основанія казармъ. Но молва такъ пускай и остается молвой. Работами руководить инженеръ,—какой еще гарантіи нужно? 3-го іюля сдѣлана закладка на Благовѣщенской площади каменной часовни въ память мученической кончины въ Возѣ почившаго Государа Императора Александра II-го. Устроить эту часовню вызвали здѣшніе купцы, въ числѣ 6-ти человекъ, на свои частныя пожертвованія. Составленъ былъ проектъ, опредѣлявшій цифру расхода до 5,000 руб. Но этотъ проектъ признанъ негоднымъ и потому замѣненъ новымъ; сей же послѣдній опредѣляетъ цифру расхода для часовни за 10,000 рублей.

Спачка, обуявшая нашихъ гражданъ и общественниковъ—вообще образцова. Это можно судить, напримѣръ, потому, что наше гор. общ. управленіе—дума—усвоила себѣ за правило рѣшать дѣла и вопросы въ составѣ 5—7 гласныхъ, и, конечно, при вторичномъ собраніи, благо послѣдовалъ такой законъ, кажется, въ 1880 г. Голова въ должность не вступаетъ съ апрѣля мѣсяца, по случаю бытности въ Москвѣ на празднествахъ коронаціи, а за тѣмъ, вѣроятно, по причинѣ постигшаго его несчастія—крушенія баржи съ чаемъ въ Оби, давшаго полумилліонный убытокъ. Заступающій его мѣсто постоянно отсутствуетъ изъ Тобольска и, такимъ образомъ, кормило городского самоуправленія отдано въ руки члена управы. Въ нашихъ собраніяхъ, наконецъ, появляются слѣдующія шутки: для развлеченія, одинъ изъ гласныхъ передавалъ намъ, что на 3-е іюля было собрано думское собраніе для рѣшенія текущихъ дѣлъ,—самъ онъ на собраніе однако не явился, и оно должно было разойтись. Это ли не самоуправленіе?! Есть и разныя члены управы, которые понимаютъ свои обязанности по своему; напримѣръ, казначей управы, завѣдующій кассою и торговыми документами, пользуясь неограниченною властію, не является по субботамъ въ управу, ибо суббота у насъ самый торговый день. Эта невяка прежде всего невыгодно отражается все на томъ же бѣдномъ крестьянинѣ. Извѣстно, что крестьянинъ, пріѣзжая въ городъ, въ субботу, съ продажей тѣхъ или другихъ сельскихъ предметовъ, вѣстѣ съ тѣмъ принаравливаетъ по сполнотности взять

и торговый документъ, для чего является въ управу; но здѣсь онъ получаетъ категорическій отказъ въ своей просьбѣ, за отсутствіемъ казначея, и этимъ бываетъ поставленъ въ необходимость прожить въ городѣ, безъ дѣла, лишнихъ полторы сутокъ. А какъ дорого время крестьянину—всѣмъ извѣстно, не говоря уже о тяжелыхъ расходахъ по проживанію въ городѣ. Повторяю, это ли еще не самоуправленіе?! Объ остальныхъ двухъ членахъ управы мало что извѣстно, какъ о городскихъ дѣятеляхъ; одинъ изъ нихъ масотворовецъ, а другой—хлѣботоровецъ; они мягкіе люди и отличнo понимаютъ свое торговое дѣло, но городское прохадать—съ указкою въ рукѣ. Секретарь въ управѣ—изъ числа поневолѣ прибывшихъ въ Сибирь. Городское и думское самоуправленіе составляетъ предметъ издоховъ въ разныхъ городахъ, какъ извѣстно. Но кто же въ этомъ виноватъ? Если общество само избираетъ своихъ представителей, такъ не выражается ли здѣсь пословица: „по Сенькѣ и шапка“?

Енисейскъ (корресп. „Вост. Обозр.“). Енисейской городской думѣ, въ заведеніи 2-го іюня, былъ предъявленъ управою отчетъ о движеніи суммъ за 1882 годъ—фактъ, конечно, обыкновенный, но было необыкновенно то, что отчетъ этотъ оказался никѣмъ неподписаннымъ, о чемъ откровенно тутъ же заявили члены управы, что и дало поводъ одному изъ гласныхъ сдѣлать замѣчаніе, что, по всей вѣроятности, отчетъ этотъ имѣетъ въ себѣ какіе-то недостатки, ответственность въ которыхъ члены управы на себя не принимаютъ; между тѣмъ, нѣкоторые изъ нихъ были активными дѣятелями прошедшаго года, за исключеніемъ лишь новаго градского головы, который, несмотря на это, все-таки долженъ бы, какъ исполнительный органъ, подписать отчетъ, что нисколько бы не привлекло его къ ответственности за дѣйствія членовъ не во время его служенія. Несмотря на этотъ недостатокъ отчета, онъ все-таки, былъ прочитанъ гласнымъ, которымъ, затѣмъ, предложено было избрать комиссію для повѣрки его, но вопросъ объ избраніи ея остался открытымъ, по причинамъ, о которыхъ я скажу ниже; теперь же я постараюсь объяснить причины безхвостаго, такъ сказать, отчета. Въ послѣдніе годы, въ управѣ служилъ казначеемъ нѣкто изъ мѣщанъ енисейскихъ, по выбору городской думы *), до которой въ послѣднее время стали доходить слухи о какихъ-то мелочныхъ злоупотребленіяхъ казначея, о чемъ даже было, говорятъ, извѣстно чиновнику казенной палаты, повѣрявшему въ прошломъ году казенныя бланки свидѣтельствъ и билетовъ, который не далъ этому факту официальной огласки,—не далъ потому, что видѣлъ въ этомъ дѣлѣ умыселъ одного только казначея, а не всей корпораціи членовъ управы, которая, въ лицѣ прежняго городского головы, относилась всегда довѣрчиво къ своимъ членамъ: среди нихъ злоупотребленія были чрезвычайно рѣдки; такъ, напримѣръ, настоящій случай былъ третій со времени существованія здѣсь старой и новой городской думы и управы. Благодаря этой-то довѣрчивости, случилось такъ, что казначей, при сдачѣ своей должности другому лицу, не представлялъ довольно значительную сумму, которую онъ, по нѣкоторомъ настояніи настоящихъ членовъ управы, внесъ впоследствии, за исключеніемъ лишь небольшой суммы—260 рублей, принадлежащей попечительству о семействахъ воиновъ, гдѣ онъ былъ также казначеемъ. Кромѣ того, обнаружена какая-то неясность въ сборахъ дополнительныхъ за купеческія свидѣтельства, которая настоящимъ образомъ даже и

*) Корреспондентъ «Сибирской Газеты», въ № 17-мъ, неправильно передаетъ, что онъ былъ лицо не выборное, а избранное будто бы городскими секретаремъ, который на выборъ гласныхъ и членовъ управы положительно никакого вліянія не имѣетъ.

не была объяснена думѣ; члены управы ей только предложили войти въ разсмотрѣніе этого вмѣстѣ съ отчетомъ управы. Г-нъ С. отказался отъ должности, и вмѣсто него выбранъ другой. При этомъ нельзя не пожелать, чтобы новый городской голова почаще проверялъ дѣйствія своего казначея и вообще всѣхъ членовъ управы, контроль надъ которыми, при безмездной даже ихъ службѣ, все-таки необходимъ. Добросовѣстный служака никогда не обидится контролемъ, въ особенности въ дѣлѣ общественномъ, городскомъ. „Чаще счетъ—дольше дружба“, говорить народъ, и говорить вполнѣ справедливо. Жаль и горько встрѣчаться съ такими фактами, когда частый счетъ дѣлаетъ дружбу фиктивной и поселяетъ раздоръ между членами одного и того же общества. На эти мысли вызвало меня воспоминаніе о повѣркѣ отчета енисейскаго общественного банка за прошедшій годъ; повѣрка этого отчета вмѣстѣ съ книгами банка была возложена на особую комиссію. Комиссія нашла отчетъ правильнымъ, но въ своемъ, мнѣ кажется, добромъ рвеніи она задалась другою цѣлю, пожалуй, и не входящую въ предѣлы ея полномочій, но, во всякомъ случаѣ, цѣлю доброю и необходимою—именно она предложила въ своемъ докладѣ думѣ учрежденіе при банкѣ учетнаго комитета. Предложеніе это вызвало цѣлое контръ-объясненіе и въ концѣ-концовъ отставку директора банка, на-отрѣзъ отказавшагося служить при существованіи учетнаго комитета, къ обезуличенію учрежденій котораго гласные даже и не приступали. Такое поспѣшное и несвоевременное заявленіе г. директора, когда въ добросовѣстности его никто сомнѣвался, крайне поразило всѣхъ и оставило вопросъ объ учрежденіи учетнаго комитета открытымъ до слѣдующаго засѣданія; такой способъ нельзя не признать однимъ изъ лучшихъ, такъ-какъ извѣстный промежутокъ времени успокоить и охладить разгорѣвшіяся страсти. И вотъ, благодаря такому-то обороту дѣла повѣрочной комиссіи, скажу я кстати теперь, дума уклонилась въ это первое, горячее засѣданіе, отъ избранія комиссіи для проверки отчета городской управы, побоясь, конечно, встрѣтить внослѣдствіи тотъ же горячій протестъ и со стороны членовъ управы прежняго состава. Но „звѣря бояться—въ лѣсъ не ходить“; комиссію все-таки избрать нужно, и избрать не только для проверки отчета съ книгами управы, но и такую, которая могла бы проверить все дѣлопроизводство и порядокъ веденія книгъ, такъ-что, можетъ быть, она найдетъ возможнымъ сократить это дѣлопроизводство и улучшить его веденіе: о недостаткахъ ихъ даже было замѣчено однимъ изъ такихъ компетентныхъ лицъ, какъ бывшій городской голова И. М. Ячменевъ, которому только одно можно было поставить въ вину—почему онъ, зная объ этихъ недостаткахъ, не избѣнилъ ихъ тогда же къ лучшему. Съ избѣненіемъ прежнихъ порядковъ, быть можетъ, будетъ возможно сократить расходы на канцелярію и уменьшить составъ членовъ управы, которыхъ теперь, кромѣ городского головы, избирается пять человѣкъ; съ сокращеніемъ же расходовъ и уменьшеніемъ числа членовъ, быть можетъ, представится возможность назначить вознагражденіе и членамъ управы, которые тогда ревностнѣе будутъ относиться къ своей обязанности.

Продовольственный капиталъ, учрежденный въ память дна коронованія Ихъ Величествъ, возросъ уже до 3,500 рублей, и теперь предположено приступить къ заготовленію хлѣба, цѣна на который пала въ настоящее время до 38 копеекъ за пудъ. Предположено, для продажи его, нанять особаго человѣка, а самую операцію производить подъ контролемъ управы. Желательно при этомъ, чтобы прежній продовольственный капиталъ, принадлежащій мѣщанскому обществу и, по распоряженію правительства, изъятый изъ вѣдѣнія города, былъ возвращенъ ему для усиленія того же капитала, кото-

рый можетъ внослѣдствіи доставить солидную поддержку бѣдному населенію города, въ особенности въ годы неурожая.

Красноярскъ (корресп. „Вост. Обозр.“). 5 го мая, на золотосодержащемъ присѣкѣ потомств. почетв. гражданки К., на границѣ алтайскаго и красноярскаго округовъ, по р. Тубылѣ, произошли довольно серьезныя безпорядки. Недовольные присковымъ управленіемъ рабочіе отказались отъ работъ и до пятнадцати человѣкъ самовольно ушли съ присѣка. Въ погоню за бѣглецами кинулись присковые конюхи съ завѣдующимъ полицейскою частью на промыслахъ урядникомъ красноярской казачьей сотни во главѣ. Настигнувъ пятерыхъ рабочихъ въ верстахъ пяти отъ присѣка, урядникъ, выстрѣлами изъ двухствольнаго ружья, заряженнаго дробью, ранилъ двоихъ по ногамъ. Затѣмъ, перевязавъ бѣглецовъ, доставили ихъ на присѣкъ. Узнавъ объ этомъ, артель рабочихъ кинулась освобождать узниковъ; сопровождавшій урядника конюхъ былъ мгновенно избитъ до полусмерти; самъ онъ едва успѣлъ скрыться отъ возбужденной толпы въ промысловую конторѣ. Кое-какъ, кроткими и благоразумными мѣрами со стороны завѣдующаго работами, г. П., удалось остановить дальнѣйшее своеволие рабочихъ. Но побѣги рабочихъ и отказъ ихъ отъ выполненія заработка „урковъ“ продолжались ежедневно. 12-го мая, губернское начальство распорядилось командировать на присѣкъ пристава 2-й части г. Красноярска, г. В., для водворенія тишины, съ двумя казаками. Возвратясь въ концѣ мая, приставъ донесъ, что изъ распросовъ рабочихъ имъ дознано, что неудовольствіе ихъ противъ прискового управленія происходитъ влѣдствіе дурной постановки работъ, составляющихъ въ высшей степени непосильный трудъ, такъ-какъ рабочимъ приходится цѣлый день стоять по поясъ въ водѣ, а присковое управленіе не заботится объ удаленіи водныхъ притоковъ, и влѣдствіе недостатка пищи; но что, по мнѣнію пристава, жалобы эти неосновательны, потому что онъ лично убѣдился и въ достоинствѣ пищи, и въ заботливости управленія по надзору за работами *). Донесеніе это, впрочемъ, не было признано компетентнымъ. Губернское начальство назначило формальное слѣдствіе, которое возложено на красноярскаго окружнаго исправника, тѣмъ болѣе, что послѣ отъѣзда пристава съ присѣка, на другой-же день бѣжало еще 16 чел. рабочихъ... Намъ кажется, что такой выборъ слѣдователя не особенно удаченъ, и въ виду важности вопросовъ, сопровождающихъ всякое рабочее движеніе, желательно было бы разъясненіе причины описанныхъ безпорядковъ болѣе солиднымъ путемъ.

Хабаровка (корресп. „Вост. Обозр.“). Хабаровское городское общественное управленіе, за минувшій 1882 годъ, имѣло только 6,000 руб. Съ трудомъ хватило этой суммы на необходимые городскіе расходы. Самый главный расходъ—это содержаніе всей полиціи, на которую идетъ до 3,200 руб. въ годъ. Между прочимъ, городской староста П. неоднократно заявлялъ губернатору о бездѣйствіи полиціи. Въ послѣднее время, грабежи со взломами увеличились, не смотря на то, что въ каждой улицѣ находятся ночью сторожевые полицейскіе, которые грабителей не встрѣчаютъ и не видятъ даже людей, переносящихъ по улицамъ массу краденыхъ вещей. Вотъ, напримеръ, кражи со взломомъ: на сырной недѣлѣ, изъ баржи Осипова украдено до 10 тунъ свиней, на сумму до 250 руб.; 2-го или 3-го апрѣля, у Ю. сломяли амбаръ и вытащили разные продукты; 4-го апрѣля сломявъ замокъ у пакзауза Э., украдено 9 большихъ бавокъ разныхъ красокъ; 5-го апрѣля сломявъ замокъ

* Присѣкъ находится въ завѣдываніи горнаго исправника ачинскаго и миусунскаго округовъ, но, по отдаленности присѣка, исправникъ ни разу не посѣтилъ его.

у пакуауа Ж., украдены разные предметы. Виновые не отысканы. Кроме этого, многих ссыльно-каторжных отпускают без всякаго конвоя, и ими не такъ давно сдѣланы дѣмь дѣб кражи.

За два послѣднихъ любительскихъ спектакля, данныхъ съ благотворительною цѣлью, сборы за билеты были большіе. Распорядителемъ спектаклей состоялъ г. Дюковъ, который не позаботился до сего времени опубликовать отчета: куда именно деньги расходывались и на что. Слѣдовало бы обратить вниманіе на это. Азартныя игры здѣсь у насъ становятся незапрещенными. Каждый вечеръ, въ гостинницѣ В. играютъ открыто въ штосъ по нѣскольку человѣкъ. Главнымъ участникомъ въ этой игрѣ находится лицо, близко поставленное къ властямъ, и оно же состоитъ казначеемъ одного комитета, у котораго вращаются въ рукахъ большіе куши. При такихъ условіяхъ не трудно ему и согрѣшить. 17-го марта, полковникъ Варабашъ читалъ свои записки о побѣдѣ въ Манджурію. 18-го марта, въ Николаевскѣ сторбли: полицейское управленіе, городская управа и училище. 9-го апрѣля Усури тронулась, 12-го весь ледъ очистило. 14-го, въ 10^{1/2} часовъ, въ первый разъ тронулся Амуръ и остановился второй разъ 16-го, въ 12 часовъ. 23-го Амуръ совсѣмъ очистился. Теперь въ товариществѣ амурскаго пароходства новый директоръ, а также и здѣсь, въ Хабаровскѣ, новый распорядитель пристани—слѣдовательно, все новички, которые не позаботились усмотрѣть и предохранить въ гавани пароходы, стоявшіе во время ледохода; пробило льдомъ пароходъ „Оноичъ“ и рядомъ стоявшій пароходъ телегр. вѣдомства „Часовая“. Лѣсопильня товар. амур. пароходства пришла въ самое ветхое состояніе, подпоры со всѣхъ сторонъ и изнутри сгнили, такъ что угрожаютъ паденіемъ каждый часъ. Навѣрно, всѣ рабочіе, находящіеся на ней, полатятся своей жизнью. Слѣдовало бы, кому надлежитъ, обратить на это вниманіе. Нынѣ, на инспекторскомъ смотру, 3-я рота 2-го стрѣлковаго баталіона вся въ голосъ показала претензію на своего ротнаго командира, Добросмыслова, который болѣе чѣмъ за 2^{1/2} не выдавалъ солдатскаго жалованья и приварочныхъ. Сей мужъ теперь на свободѣ.

Казалинскъ (корресп. „Вост. Обзор.“). Чума принимаетъ у насъ съ каждымъ днемъ большіе размѣры. Мѣръ администрація никакихъ не принимаетъ. Ветеринара нѣтъ. Ежедневно падаетъ по нѣскольку коровъ; скотину перестали выгонять въ стадо. Жара стоитъ выше 30° по Реомюру.

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ А. П. ЩАПОВА.

(Окончаніе).

Судьба Щапова переносила въ Сибирь. Отношеніе къ ней и къ этой перемѣнѣ въ его жизни для насъ тѣмъ любопытнѣе и поучительнѣе. Конечно, какъ сибирякъ, какъ уроженецъ края, онъ не могъ отнестись къ этой сменѣ, какъ другіе.

Вотъ что говорить объ этомъ биографъ его, Аристовъ: „По предубѣжденію Щаповъ не любилъ великороссовъ и имѣлъ черезчуръ пристрастный взглядъ на Малороссію и на Сибирь; на послѣднюю смотрѣлъ, какъ на страну высокаго образованія и прекрасной жизни сравнительно съ Европейской Россіей. Такое мѣстное воззрѣніе лелѣялъ онъ до высылки его въ Петербургъ и передъ отъѣздомъ увѣрялъ меня по старой фантази, что онъ очень радъ отправиться въ Сибирь, гдѣ почва незараженная, приволье и раздолье“.

Въ этомъ ничего нѣтъ страннаго. Щаповъ не терялъ связи съ своей родиной. Она живо рисовалась ему по воспо-

минаніямъ дѣтства, по той средѣ, которую онъ помнилъ, свои воспоминанія дѣтства онъ печаталъ въ Петербургѣ. Онъ не забылъ свое кровное родство съ бѣдняками, гдѣ-то прозябавшими въ глуши, на Ленѣ; ихъ несчастія рисовались ему часто, и тѣмъ рѣче ему бросался въ глаза контрастъ окружающей жизни столицы, тѣмъ болѣе закипало въ душѣ мучительныхъ вопросовъ, о которыхъ пишетъ Аристовъ. Природа и жизнь страны также не могли не приходиться ему на память и не оставить слѣда въ немъ, онъ не могъ не припомнить ея исторіи и не соприкасаться съ ними во время своихъ работъ. Эта родная природа рисовалась ему грандіозной и величественной. Лена, утесы и горы, незамерзающая, клокочущая Ангара, широкій Байкалъ,—все это было неизгладимо и близко ему. Это была страна новая и дѣтственная, гдѣ слагается новая жизнь,—страна, гдѣ когда-то совершались подвиги открытій и заселенія; сюда бѣжалъ русскій народъ, крѣпостные люди, церковники, старообрядцы, сыны падшаго Новгорода, Вятки и т. д. Здѣсь искалъ народъ свою обѣтованную землю. Щаповъ хорошо изучилъ этотъ періодъ XVI и XVII ст.—эпоху народнаго скитальчества и народныхъ его надеждъ. Здѣсь, въ этихъ лѣсахъ, раздавался шопотъ расколнника, его молитва, лилась исповѣдь смыслнаго и капали слезы несчастія. Все было въ этой странѣ загадочно и чарующе. Наконецъ, это была страна еще несложившаяся, страна будущаго.

У ней все впереди—худое и хорошее.

А что, если яркіе лучи солнца міровой цивилизаціи освѣтятъ и эти сокровенные лѣса, и эту полярную поляну? Что если и здѣсь проснется человѣческая жизнь съ ея многообразными потребностями! Эти вопросы не могли не приходиться ему въ голову. Обширное поле предоставилось въ этомъ случаѣ фантази, и Щаповъ, какъ энтузіастъ, какъ идеалистъ, не могъ не поддаться ей. Ему рисовалось какое-то завидное будущее, и сердце его не могло не захлебнуться отъ восторга, что онъ сынъ этой земли.

Любовь къ родинѣ была присуща многимъ его землякамъ, съ которыми онъ столкнулся въ духовной академіи, и они отдавались юношескимъ мечтаніямъ. Вотъ что говоритъ Аристовъ о сибирякахъ въ академіи:

„Всѣ студенты-сибиряки, сколько я ихъ зналъ, были люди очень даровитые и отличались характеромъ смѣлымъ и прямымъ; это, вѣроятно, зависѣло отъ того, что сибирское духовенство не знало приниженія, которое испытывало великорусское духовенство отъ помѣщиковъ, и было защитницею его. Сибиряки-студенты въ наше время полушутя, полусерьезно называли свою Сибирь русской Америкой и говорили, что она, рано или поздно, отдѣлится отъ Россіи. Эти мысли высказывались, разумѣется, мимоходомъ и не развивались, но, можетъ быть, онѣ подали поводъ Щапову мечтать о федераціи, хотя впоследствии объ этомъ не мало говорено было въ литературѣ русской, особенно Н. И. Костомаровымъ (?). Вообще студенты-сибиряки обладали характеромъ независимымъ и настойчивымъ“.

Щаповъ на младшемъ курсѣ въ академіи слушалъ монгольско-калмыцкій языкъ и буддійское вѣроученіе у своего земляка, профессора А. А. Бобровникова. Авторъ „Монгольской грамматики“, Бобровниковъ, былъ замѣчательной личностью въ высшей степени; чуть-ли не природный бурякъ, онъ буддизмъ зналъ, какъ никто въ Россіи, а можетъ и да-

лье Россіи. Не имѣя другихъ обширныхъ свѣдѣній, кромѣ своей специальности, Бобровниковъ отличался необыкновенно крѣпкой логикой и сатирическимъ направленіемъ; буддійскую премудрость онъ преподавалъ такъ, что можно было заслушаться. Какъ землякъ, Афанасій Прокофьевичъ бывалъ у Бобровникова, и я полагаю, что послѣдній немало имѣлъ вліянія на перваго. (Биографія Аристовъ).

Такимъ образомъ, Щаповъ отражалъ въ себѣ и психическія особенности родины и симпатіи къ ней. Психическія способности и генетивное родство отражались въ его природѣ, складѣ и характерѣ. Это былъ „карымъ“ лицомъ (помѣсь съ инородцемъ), неотесанный, замкнутый, но въ то же самое время простодушный, открытый, прямой, съ чистымъ сердцемъ сына природы, дикаря, неизмѣнчившимся цѣлую жизнь; впечатлительность, страсть, увлеченіе выражались въ немъ въ высшей степени, онъ отдавался всему беззаветно. Свѣжіе нервы, свѣжій оригинальный умъ давали себя чувствовать. Почувявъ свѣтъ и новыя ученія, онъ неудержимо, подобно другимъ сибирякамъ, стремится къ нимъ, его оболыщаетъ всякое новаторство, всякое новое ученіе, поэтому онъ сталъ ревностнымъ прозелитомъ современнаго ему направленія. Какъ плебей по природѣ и демократъ, онъ былъ врагъ предразсудковъ и традицій, и сторонникъ равенства. Этимъ объясняются его народныя симпатіи и его историческое міросозерцаніе. Рядомъ съ выдающимися способностями и умомъ, въ этомъ характерѣ было, однако, много некультурованнаго, необузданнаго, что сказалося какъ въ манерѣ, такъ и въ языкѣ его. Въ немъ видны черты двухъ расъ, самоотверженная любовь идетъ рядомъ съ порывами личныхъ необузданныхъ страстей. Аристовъ, признавалъ его прямоту и благородство души, стремленіе къ высшему идеалу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, кипучій темпераментъ, который доводилъ его до отчаянія и дѣлалъ положеніе драматическимъ, въ то же время замѣчаетъ и не прощаетъ ему порывы дикости.

Щаповъ любилъ свою родину, какъ мы сказали, и былъ когда-то несомнѣнно патріотомъ, хотя патріотизмъ его, измѣняясь сообразно возрасту и зрѣлости, потерпѣлъ въ концѣ жестокое разочарованіе. Мы видимъ, что въ академіи Щаповъ раздѣляетъ дѣтскія надежды и планы своихъ товарищей. „Сибирь—это будущая Америка! мечтаетъ онъ: ей судитъ исторія великое будущее“. Жизнь показала впоследствии, какава это Америка.

Данъ патріотизму отдаетъ Щаповъ и въ Петербургѣ. Послѣ шумныхъ овацій въ Казани и бурной, кипучей дѣятельности въ 1861 г., онъ очутился въ уединеніи Петропавловской крѣпости. Здѣсь его посѣтили петербургскіе студенты-земляки. Щаповъ имъ обрадовался. Онъ узналъ отъ нихъ, что въ Петербургѣ учащіяся сибиряки также сгруппировались въ землячество, что у нихъ бродятъ мысли и пробудилось сознаніе приносить пользу родинѣ.

Встрѣча съ земляками и досугъ въ Петропавловскомъ казематѣ дали Щапову поводъ пометать, и плодомъ этого вышло стихотвореніе, посвященное Сибири. Сколько помнимъ, оно заключало въ себѣ слѣдующую мысль:—въ то время, когда въ Россіи идетъ общее пробужденіе, когда Финляндія, Малороссія и Западный край отозвались уже на призывъ жизни,—что же ты молчишь одна, отдаленная моя Сибирь? Стихотвореніе это сдѣлалось популярно между сибиряками. За этотъ „плодъ досуговъ“ Щаповъ имѣлъ гдѣ-то объясненіе, кончившееся

пустякомъ. По это же стихотвореніе дало поводъ привлечь его въ 1865 г., изъ Иркутска, къ дѣлу по обвиненію въ сибирскомъ сепаратизмѣ. Какъ упомянуто Аристовымъ, мысль о томъ, что „Сибирь призвана быть независимой Америкой“, была темой разговоръ юношей въ 60-хъ годахъ. Но надо замѣтить, что даже въ представленіи этихъ юношей, эта независимость разсматривалась какъ отдаленнѣйшее, хотя и неизбѣжное историческое событіе.

Поводомъ къ распространенію этой идеи послужили не одни лишь мнѣнія, выражавшіяся юношами, но и мысли нѣкоторыхъ государственныхъ людей, громко высказанныя. Въ „Русской Старинѣ“ находится по этому предмету нѣсколько документовъ. Такъ, по поводу переселенія чеховъ и американцевъ на Амуръ, было выражено кѣмъ-то въ Петербургѣ то же преувеличенное опасеніе. Затѣмъ, въ политико-экономическомъ комитетѣ, при обсужденіи вопроса о колонизаціи, начальникъ кабинета Мейендорфъ выразилъ странную мысль, что Сибирь колонизовать не слѣдуетъ потому, что всѣ колоніи рано или поздно отдѣляются. Такое отношеніе и подозрѣніе къ Сибири, въ которой не начиналось еще никакой гражданской жизни, не пробуждалось никакого сознанія, гдѣ прозябало апатичнѣйшее и невѣжественнѣйшее общество,—было болѣе, чѣмъ странно. Можно ли было сравнивать ее съ Америкой, обладавшей политической жизнью. Тѣмъ не менѣе, это послужило поводомъ къ обвиненію нѣсколькихъ сибиряковъ, возвратившихся изъ Петербурга въ Сибирь и занятыхъ мечтами о мѣстномъ университетѣ, о необходимости изучить Сибирь и т. д. Обвиненіе это, создавшее цѣлое дѣло, было тѣмъ несообразнѣе, что обвиняемыми были дѣти и юноши,—все это, вмѣстѣ съ шаповскимъ „плодомъ досуга“ въ видѣ патріотическаго стихотворенія, едва ли могло повліять на отпаденіе территоріи въ 250,000 кв. в. отъ Россійской Имперіи. Тѣмъ не менѣе, на разслѣдованіе истрачена была масса денегъ и времени, и Щаповъ прогулялся изъ Иркутска въ Омскъ, для того, чтобы побесѣдовать съ мѣстными слѣдователями о теологическихъ вопросахъ, съ свойственною ему откровенностью. Другимъ это дѣло стоило дороже: у нѣсколькихъ молодыхъ людей вычеркнуто нѣсколько лѣтъ жизни. Нашумѣвшее обвиненіе и самое дѣло не произвели на малѣйшаго впечатлѣнія. Сибирское общество даже и ухомъ не поведло.

Идея сепаратизма была далека, конечно, отъ серьезнаго ученаго, а всякая идеализація и мечтательность отпадали при видѣ дѣйствительности. Но въ своей философско-исторической теоріи Щаповъ не могъ игнорировать Сибири и вообще колонизуемаго Востока. Даже съ общечеловѣческой точки зрѣнія онъ не могъ не предвидѣть здѣсь историческую роли русскаго народа. Въ статьѣ „Новая эра на рубежѣ двухъ тысячелѣтій“ („Современное Слово“ 1863 г.) онъ говоритъ: „русская народность существуетъ для всего человѣчества, народъ русскій долженъ примирить, соединить братскій союзъ Востока съ Западомъ“. Относительно будущаго строя Россіи онъ продолжаетъ оставаться скорѣе на почвѣ децентрализаціи и областности. Онъ дѣлитъ русское интеллигентное меньшинство на централистовъ и федералистовъ. Централизація создала общій вѣншній порядокъ, и федерація, не нарушая единства, можетъ способствовать внутреннему саморазвитію массъ народныхъ естественнѣе и правильнѣе. Идея федераціи присуща духу русскаго народа, точно также, какъ имперія имѣетъ свою основу историческую. Эти политическія идеи цен-

трализации и федерации заключают, каждая, свою долю истины, только жаль, что они разрознены до нетерпимости, а следовало бы скорѣе уяснить жизненное призваніе русскаго народа. Образованное меньшинство должно всѣми силами распространять просвѣщеніе въ массахъ народныхъ, развивать понятие о разумности закона, чтобы пробудить въ нихъ прежнюю свободную самостоятельность. Безъ единенія съ народомъ, въ будущемъ всѣ наши усилія будутъ бесплодны. Таковы были мысли, высказываемыя Щаповымъ (Біографія, стр. 102—103). Идея работы въ пользу области и на почвѣ провинціи, такимъ образомъ, не могла быть ему антипатична. И вотъ Щаповъ отправляется въ Сибирь, не какъ ссылный, но сохраняя воспоминанія о родинѣ, желая быть полезнымъ здѣсь, даже отдаваясь, какъ пишетъ Аристовъ, мечтательности, идеализируя свое положеніе и смягчая этимъ горечь невольнаго переселенія. Поэтому, онъ не можетъ быть разсматриваемъ, какъ обыкновенный ссылный.

Дѣйствительно, Щаповъ не остался чуждъ Сибири; кромѣ общихъ работъ по исторіи, онъ оставилъ слѣды и въ мѣстной сибирской литературѣ. Разсмотрѣть его возрѣнія и идеи по отношенію къ Сибири любопытно, также какъ и вынесенныя имъ впечатлѣнія.

Явившись въ Иркутскъ, Щаповъ не оставляетъ своихъ трудовъ по общей исторіи — помѣщаетъ статьи въ „Дѣлѣ“, „Отечественныхъ Запискахъ“ и, наконецъ, издаетъ извѣстный этюдъ по исторіи: „Соціально-педагогическія условія умственнаго развитія русскаго народа“. Рядомъ съ этимъ онъ посвящаетъ свою дѣятельность и сибирскому отдѣлу географическаго общества, находящемуся въ Иркутскѣ. Какъ ни обѣденъ былъ этотъ отдѣлъ, какъ ни слабы были его ученія силы и средства, все же онъ даетъ опору ученому въ его занятіяхъ. Щаповъ успѣлъ побывать, кажется, въ Амгѣ у своихъ родныхъ, чуть ли его даже не предполагали поселить тамъ, а затѣмъ началъ работать надъ этнографическими темами. На средства мѣстнаго отдѣла географическаго общества, въ 1869 г., при экспедиціи, онъ совершаетъ поѣздку къ устьямъ Енисея, въ Туруханскій край, и вывозитъ богатые наблюденія, которые, однако, не были даже напечатаны. Затѣмъ въ 1874 г., по порученію общества, онъ изслѣдуетъ крестьянскую и инородческую общину на Ленѣ. Нѣсколько статей его по сибирской этнографіи печатаются въ „Извѣстіяхъ Отдѣла“. Къ выдающимся трудамъ Щапова по Сибири относятся: „О развитіи высшихъ человѣческихъ чувствъ. Мысли сибиряка при взглядѣ на нравственные чувства и стремленія сибирскаго общества“ („Отеч. Записки“ 1872 г., № 10); „Историко-географическія и этнографическія замѣтки о сибирскомъ населеніи“ („Извѣст. Сиб. отд.“, т. III, №№ 3, 4 и 5); „Историко-географическія замѣтки о Сибири“ (ibid, 1873 г., № 2); „Сибирское общество до Сперанскаго“ (1873 г., т. IV, № 4 и 5, 1874 г., № 1); „Бурятская улусная родовая община“ (ibid, 1874 г., т. V, № 1); „Сельская осѣдло-инородческая и русско-крестьянская община въ кундинско-ленскомъ краѣ“ (ibid, 1875 г., т. VI, № 3); „Физическое развитіе верхоянскаго населенія“ (1876 г., т. VII, №№ 2 и 3); „Эгоистическіе инстинкты въ лесной народной общинѣ бурятско-улусской, осѣдло-инородческой и русско-крестьянской“. По этимъ темамъ мы видимъ, что Щаповъ не брался за систематическую разработку собственно исторіи Сибири, но онъ касается любопытныхъ этнографическихъ темъ и производитъ, такъ сказать, философско-историческія наблюденія надъ скла-

домъ сибирскаго общества. Ближе къ исторіи—его „Историко-географическія замѣтки о Сибири“, гдѣ онъ касается эпохи открытій въ Сибири и расширенія взгляда на природу, порожденнаго этими открытіями. Любопытенъ его выводъ, что безъ открытій казаковъ и простолюдиновъ сибирскихъ, можетъ быть, не было бы открытій Беринга, Врангеля и друг. Взглядъ этотъ можетъ дать историку мысль для освѣщенія дѣлаго періода. Въ другихъ статьяхъ онъ касается вопроса о расовыхъ свойствахъ русскаго населенія о метисаціи, помѣсяхъ и выработкѣ особаго этнографическаго типа. Можно сказать, что онъ касается корня сибирской этнографіи и цѣлой программы антропологическихъ работъ въ Сибири. При изслѣдованіи сибирскаго крестьянства и его жизни, онъ дѣлаетъ первую попытку изученія сибирской инородческой и крестьянской общины. Эта попытка важна была тѣмъ, что произведена прежде, чѣмъ работы по изслѣдованію общины начаты въ Европейской Россіи. Щаповъ своими параллелями сближаетъ и указываетъ связь общины инородческой и осѣдлой въ ихъ постепенныхъ градаціяхъ—тема въ высшей степени богатая для исторіи культуры. Наконецъ, онъ посвящаетъ свои этюды психическимъ особенностямъ и инстинктамъ сибирскаго общества въ связи съ его сословнымъ складомъ. Всѣ эти темы и вопросы чрезвычайно интересны въ смыслѣ изученія страны. Здѣсь виденъ также смѣлый приѣмъ изслѣдованій, необыкновенная чуткость, способность овладѣть главной идеей предмета, страсть къ обобщеніямъ, систематизаціи и даръ философскаго творчества. Работы эти страдаютъ иногда недостаткомъ матеріала, скоростью выводовъ и т. п. Отсутствие научныхъ изслѣдованій въ Сибири мѣшало этому. Щаповъ намѣчаетъ скорѣе планъ и вѣхи изслѣдованію. Онъ не могъ, конечно, создать самъ ни мѣстной этнографіи, ни исторіи, онъ не имѣлъ возможности рыться въ архивахъ, не имѣлъ средствъ работать годами, какъ требовали того сюжеты, но здѣсь видна все-таки сила Антея, соприкоснувшася съ родной почвой. Аристовъ, слишкомъ строгій къ Щапову, въ своей біографіи относится съ претензіей предубѣжденнаго критика къ его историческимъ трудамъ и монографіямъ, признавая ихъ не научными и считая выводы его продуктами увлеченія модными идеями въ угоду тогдашнему направленію. Дѣйствительно, работы Щапова страдали иногда отсутствіемъ строгаго научнаго метода и слишкомъ сильными выводами, но это зависѣло отъ того, что самый матеріалъ для подобныхъ работъ еще не былъ собранъ. Философія его забѣгала впередъ. Нельзя отрицать, однако, что онъ касался самыхъ живыхъ темъ, любопытнѣйшихъ вопросовъ, глубокая и высокая идея проникала труды его. Онъ творилъ первый философію русской исторіи и работалъ здѣсь съ непостижимой смѣлостью, стараясь тронуть горы народной жизни; понятно, что у него не хватило силъ. Онъ сближалъ исторію съ современной жизнью, и винить его за увлеченіе философской идеей едва ли возможно; вѣдь онъ не принадлежалъ къ тѣмъ бездарнымъ комментаторамъ буквы лѣтописей, къ тѣмъ сухимъ муміямъ учености, чуждымъ жизни, которые одни претендуютъ на ученую славу. Щаповъ не былъ рутинеромъ; онъ намѣчаетъ новые пути изученія исторіи, онъ пытается двинуть науку, и въ этомъ также выразился его оригинальный сибирскій умъ. Другими изъ сибирскихъ изслѣдованій Щапова являются статьи „О развитіи высшихъ человѣческихъ чувствъ въ сибирскомъ обществѣ“ и „Сибирское общество до Сперанскаго“.

Конечно, Иркутскъ для учености Шапова не могъ дать того, что требовалось. Его работа нуждалась въ громадной библиотекѣ, въ массѣ готовыхъ историческихъ фактовъ и наблюдений, его дѣло было систематизировать и обобщать. Если данныхъ этихъ не могла дать даже русская историческая наука съ своимъ слабымъ развитіемъ, то вѣчего и говорить про сибирскую. Для того, чтобы труды его приобрѣли достаточную солидную научность, они должны были быть серьезно обработаны и продуманы. На это было нужно время, средства и обеспечение въ кускѣ хлѣба. Но того, что давали ему бурса и академія съ своимъ казеннымъ скуднымъ кускомъ, у него теперь не было. Постоянная забота о заработкѣ грызла его. Погоня за журнальнымъ трудомъ изнуряла силы. Скоро петербургскій журнальный рынокъ, увлекшій его на путь тенденціозности и подстрекавшій его къ этому, не сталъ, наконецъ, принимать работъ Шапова, и это подорвало его средства, уязвило его самолюбіе. Онъ началъ впадать въ отчаяніе.

Окружающая жизнь Иркутска и даже Сибири не представляла ничего угнѣбительнаго. Шаповъ могъ быть весьма ксати при сибирскомъ университетѣ, но такого не было. Мѣстный отдѣлъ географическаго общества такъ былъ бѣденъ, что не могъ издать даже трудовъ туруханской экспедиціи; они долго лежали, дожидаясь своей очереди, пока, наконецъ, къ нимъ встрѣчу не пришелъ иркутскій пожаръ, прекративъ заботы объ ихъ изданіи. Шаповъ пытался въ Иркутскѣ продолжать свою дѣятельность: онъ провозноситъ рѣчь по случаю юбилея Ломоносова, но это никого не вдохновляетъ и не будитъ общества, лишеннаго умственной жизни; онъ пробуетъ читать лекціи, но ими интересуется только небольшое число интеллигентныхъ людей, остальные же изумляются, какъ писалъ онъ въ одной изъ статей, и спрашиваютъ: „даютъ ли что за это, а если не платятъ, то что же за охота это убиваться!“ Дѣло въ томъ, что Шаповъ принадлежалъ въ Иркутскѣ къ тому ничтожному интеллигентному меньшинству писателей и ученыхъ, которые, даже и до послѣдняго времени, не только не дѣялись, но пребываютъ въ какомъ-то гоненіи, точно зачумленные, а роль цивилизаторовъ изображаютъ изъ себя наѣзжіе тапкентцы, хлыщи и разные авантюристы *). Географическій отдѣлъ всегда находится подъ давленіемъ того или другого администратора, навязывающаго своего предсѣдателя и секретаря, ученость которыхъ измѣряется ихъ низкопоклонствомъ и бездарностью. Независимому образованному человѣку съ чувствомъ собственного достоинства, съ талантомъ, здѣсь нѣтъ мѣста. Образованные представители вытѣснены изъ городской думы, какъ помѣха городскому самоуправленію. Редакція мѣстной газеты считается гнѣздомъ варазы, ея сотрудники позорятъ публично. У литераторовъ отбирались мѣстнымъ полиціе-майстеромъ историческія хроники и лѣтописи, какъ это было съ В. И. Вагинымъ, извѣстнымъ своимъ драгоценнымъ трудомъ о Сперанскомъ. Это несчастное меньшинство мѣстныхъ образованныхъ людей, патріотовъ своей страны, лишенныхъ правъ гражданства, живетъ загнанное, угнетенное и пришибленное.

Шаповъ находился въ ряду этихъ непризнанныхъ. Мѣстное начальство не думало воспользоваться его учеными тру-

дами и способностями, хотя въ Сибири ученые и не рождаются, какъ грибы, а недостаткомъ дѣятелей здѣсь, между тѣмъ, извѣщаютъ контингентъ бездарностей и взяточниковъ въ канцеляріяхъ. Мѣстное общество также не интересовалось ученымъ и его трудами.

Въ это время, въ иркутскомъ обществѣ, какъ и вообще въ сибирскомъ, царилъ самодурство и нажива. Жалкое туземное чиновничество, блуждавшее изъ-за куска хлѣба, невѣжественное и угодничающее, рядомъ съ прѣзжими карьеристами, не представляло задатковъ образованнаго сословія. Чиновничество подслуживалось и прихлебательствовало у золотопромышленниковъ и купчества, составившихъ господствующій классъ. У купцовъ проявлялась одна грубая нажива, погоня за барышами, лавочный расчетъ и лавочные инстинкты. Соединяясь и родясь между собою, эти два слоя наживались и блаженствовали. Жизнь вѣла продажною, подкупомъ и стремленіемъ сорвать и обогатиться. Надъ этимъ обществомъ самодурствовало иногда мѣстный Гарунъ-аль-Рашидъ, ходившій и вводившій порядокъ на улицахъ палкой, или издѣвался разслабленный сибаритъ-развратникъ. Никакихъ признаковъ умственной жизни, никакого уваженія къ мысли, къ честному труду. Весь почетъ и величіе измѣрялись здѣсь каменными домами миллионеровъ, обѣдами и массой выжатыхъ обманомъ и хищничествомъ денегъ изъ каторжнаго труда золотопромышленныхъ рабочихъ, съ кабакомъ, прасольничества и отъ злостныхъ банкротствъ. Понятно, что долженъ былъ чувствовать здѣсь мыслящій и честный человѣкъ, неприкосновенный къ этой кликѣ.

Это безнадежное состояніе общества, полное своекорыстія, жадности къ наживѣ, безчувственное, при отсутствіи высшихъ человѣческихъ интересовъ, гражданскихъ доблестей и образованности,—Шаповъ очерчиваетъ въ статьѣ о сибирякахъ и ихъ нравственныхъ чувствахъ. Инстинкты этого общества онъ выводитъ исторически. Здѣсь онъ выражаетъ всю субъективную горечь и негодованіе, накопившіяся у него въ нѣсколько лѣтъ, и этотъ памфлетъ останется надолго памятникомъ сибирскихъ правотъ; сибирская буржуазія долго не сотретъ клейма, которое наложило на нее погибавшій и задыхавшійся въ ея атмосферѣ ученый.

Въ другомъ трудѣ своемъ: „Сибирское общество до Сперанскаго“, Шаповъ, характеризуя городское начало и борьбу капиталистовъ и промышленниковъ съ администраціей, доказываетъ, что здѣсь не было гражданского и общественнаго инстинкта, а была борьба кулаковъ и монополистовъ съ деспотизмомъ мѣстныхъ самодуровъ; онъ отдаетъ предпочтеніе даже тирану Трескину, который гналъ купеческую партію, искавшую наживы и власти. Задавался вопросомъ, откуда долженъ выйти реформаторъ и другъ населенія, онъ, имѣя въ виду Сперанскаго, находить, что таковой выйдетъ скорѣе изъ чиновничества, изъ приказныхъ, чѣмъ изъ сибирскихъ богачей и промышленнаго сословія. Какъ бы ни было сильно раздраженіе Шапова, какъ бы ни парадоксальны казались его выводы, они все-таки ясно показываютъ, какое впечатлѣніе оставили въ немъ сибирское общество и его жизнь. Иркутскъ онъ называетъ въ концѣ „иркускимъ острогомъ“ и жаждетъ вмѣстѣ съ женою вырваться изъ него. „Острогомъ“,—вотъ чѣмъ стала для него родина! Это глубокое разочарованіе послѣ горячихъ иллюзій патріотизма выпадало на долю не одного Шапова, но многихъ образованныхъ сибиряковъ. Такое

*) См. о прѣзжихъ въ Сибирь статью: „Сперанскій и его пребываніе въ Сибири“ В. Вагина, т. II, стр. 393.

же озлобленіе къ сибирскому обществу вынесъ и покойный С. С. Шашковъ. Немногіе съ философской стойкостью могли переносить свои взоры въ даль будущаго и носить тайную ибжающую любовь подъ сердцемъ въ самыя тяжкія эпохи.

Драматизмъ положенія Шапова усиливается еще тѣмъ, что онъ не можетъ выѣхать. Смыслный на своей родинѣ, онъ походилъ на младенца, котораго, будучи насильно удерживаемъ, готовъ искушать сосцы своей матери. Онъ не вѣритъ больше въ свою родину, не замѣчаетъ признаковъ жизни и весны, нарождающихся здѣсь среди грозной природы, бурь и ненастья, которыя заглушаютъ входы молодыхъ цвѣтовъ. За жизнью городекихъ буржуазныхъ слоевъ, съ барышническими инстинктами и эгоистическими чувствами, онъ болѣе не замѣчаетъ здоровыхъ слоевъ народа, залоговъ будущаго, которымъ онъ отдавалъ когда-то свои симпатіи. Онъ не прощаетъ гибель собственной жизни. Въ помутившихся отъ горя глазахъ пророка нѣтъ болѣе вѣры въ свою родину.

Въ горькой бѣдности, живя въ какой-то хижинѣ, безъ возможности трудиться, Шаповъ испытываетъ отчаяніе. Чахоточная жена, героически поддерживавшая его, заболѣла. „Во время болѣзни ея, пишетъ Аристовъ, онъ доходилъ до самаго тяжелаго, мрачнаго расположенія духа; онъ ожесточился на все окружающее его общество, считая его ехиднымъ, злымъ и безсердечнымъ, а Иркутскъ онъ возненавидѣлъ до глубины души и называлъ его „отвратительнымъ острогомъ“. Послѣ смерти жены, Шаповъ окончательно падаетъ духомъ. Смерть этой святой мученицы онъ считаетъ величайшей несправедливостью. Ночами онъ скитается, лежитъ на ея могилѣ и, полный отчаянія, рыдаетъ и обращается съ мольбами и жалобами къ дорогой тѣни.

Все порвано—и связь съ жизнью, и связь съ родиной. Иркутскіе друзья безсильны спасти его. Онъ иногда валяется около кабака. Смерть идетъ на встрѣчу.

Шаповъ умираетъ въ какой-то лачугѣ. Нѣсколько приятелей, такихъ же несчастныхъ, какъ и онъ, провожаютъ его гробъ. Полиція опечатываетъ бумаги, спивая и перемѣшивая груды ученыхъ трудовъ. Должники расхватываютъ его рукописи. Мѣстное начальство запрещаетъ помѣстить извѣстіе о его кончинѣ въ мѣстной газетѣ.

Никто въ Иркутскѣ не замѣтилъ этой смерти. Сибирское общество не знало, что погибъ на его глазахъ человѣкъ, профессоръ, писатель—даровитѣйшая сила, которая когда нибудь займетъ свой пьедесталъ въ исторіи просвѣщенія и науки.

Такъ исчезаютъ люди тамъ, гдѣ не народилось еще умственной и гражданской жизни. Едва ли все это слѣдуетъ приписать характеру, неуживчивости, непрактичности и слабостямъ Шапова. Мы видимъ, что онъ все-таки работалъ, и такъ усердно, что $\frac{3}{4}$ работъ его не находили мѣста въ литературѣ и въ маленькомъ мѣстномъ ученомъ изданіи. Почему же онъ не былъ обезпеченъ? Какъ бы ни были строги наши приговоры личнымъ качествамъ, но едва ли поднимется у кого рука свалить все на этого несчастливца.

Его участь, нищета и гибель составляютъ рѣзкій контрастъ съ окружающимъ его общимъ благодушествомъ, кидаемымъ десятками тысячъ на обѣды, съ жирнымъ самодовольствомъ иркутскихъ золотопромышленниковъ и миллионеровъ, которымъ не нужны ни наука, ни руководство интеллигенціи, ни литература. Здѣсь есть благотвореніе и жертвователи, но

жертвователи въ угоду сильнымъ, изъ тщеславія, изъ-за медалей—наконецъ, ради того, чтобы лучше прикрыть темныя дѣла пажиты. Эти благотворители никогда не снисходили ни до покровительства истинному несчастію, ни до гражданскаго долга. Никогда никто изъ нихъ не думалъ о судьбѣ Шапова, о томъ, чтобы дать ему возможность трудиться для науки и родины.

И такова судьба не одного Шапова. Это судьба всей сибирской интеллигенціи. Множество интеллигентныхъ сибиряковъ бѣжало изъ Сибири или не возвращалось туда, получивъ образованіе, а это были также даровитыя силы. Это зависѣло не отъ того, что они не хотѣли работать, но отъ того, что имъ негдѣ было работать, или, вѣрнѣе, что имъ не давали трудиться для края. Человѣку образованному здѣсь не къ чему прицѣпиться, природы. Такъ будетъ, вѣроятно, до возникновенія университета. Аристовъ, въ биографіи Шапова, рисуешь Иркутскъ такимъ, какъ будто тамъ нѣтъ образованныхъ людей и мѣстныхъ патріотовъ. Мы знаемъ, что это неправда. Они есть тамъ, но чувствуютъ себя, подобно Шапову, также въ загонѣ и отверженіи. Любить родину, работать для нея, не встрѣчая поощренія, не ища улыбки сочувствія и готовясь къ самой горькой долѣ гибели отъ бѣдности и одинокой смерти,—вотъ драматизмъ сибирской интеллигенціи въ данную минуту.

И. Ядринцевъ.

ЗАМѢТКА ОБЪ АМУРСКОМЪ ДѢЛѢ, ПО ПОВОДУ СТАТЬИ А. И. ЗАБОРИНСКАГО.

(Письмо въ редакцію).

Въ „Русской Старинѣ“, за іюнь 1883 г., напечатана статья служившаго въ Восточной Сибири офицеромъ генеральнаго штаба, нынѣ генерала, Ахилесса Ивановича Заборинскаго, о гр. Муравьевѣ-Амурскомъ, затемняющая снова Амурское дѣло, разъясненіе котораго такъ важно для Сибири. Статья эта непосредственно касается и моей дѣятельности въ Забайкальской области, что и вынуждаетъ меня, предварительно подробнаго отиѣта на нее въ своемъ мѣстѣ, сказать нѣсколько словъ о ней и здѣсь, какъ въ органѣ гласности, посвятить себя дѣламъ востока, включая въ него и Сибирь. Изъявляя сожалѣніе о разладѣ моемъ съ Муравьевымъ (хотя по незнанію настоящей причины и ошибается въ объясненіи оной),—разладѣ, лишившемъ Муравьева моихъ совѣтовъ и указаній, А. И. Заборинскій говоритъ по поводу этого слѣдующее: „Между тѣмъ, Д. И. Завалишинъ, при блестящемъ образованіи, обладая обширнымъ и свѣтлымъ умомъ, и изучивъ до тонкости край, своими совѣтами и указаніями принесъ бы большую пользу колонизаціи, и избавилъ бы отъ тѣхъ ошибокъ, о которыхъ пришлось впоследствии читать. При частыхъ командировкахъ въ Забайкальскую область, и лично, да и всѣ другіе, пользовались его, Д. И. Завалишина, указаніями, за что по настоящее время остается ему глубоко признательнымъ.“ Затѣмъ, когда имѣется уже и другое, напечатанное въ „Древней и Новой Россіи“ свидѣтельство г. Сгибнева, участника въ первой экспедиціи на Амурѣ, о томъ содѣйствіи, которое я оказывалъ экспедиціи, и когда г. Заборинскій и самъ говоритъ далѣе о моемъ даже

открытомъ участіи въ дѣлахъ и о публично дѣланныхъ мною распоряженіяхъ,—то тѣмъ страннѣе видѣть, что эпиграфомъ къ своей статьѣ онъ выбралъ извѣстное изрѣченіе: „la critique est aisée, mais l'art est difficile“—какъ будто дѣло идетъ о человѣкѣ, который только и умѣлъ, что критиковать, а не о лицѣ, прямая на пользу общую дѣятельность котораго обнимала всѣ отрасли управленія, какъ видно это изъ того, что въ сѣ, а въ томъ числѣ и онъ самъ, во его собственному свидѣтельству, пользовались совѣтами и указаніями этого лица, изъ чего именно-то и истекало законное его право критики. Признавая уже теперь справедливымъ многое изъ сказаннаго мною по амурскому дѣлу, что, однако сначала также отрицали, г. Заборинскій все еще пытается если не оправдать, то извинить Муравьева въ нѣкоторыхъ вещахъ. Такъ, напримѣръ, отзываясь о первомъ военномъ губернаторѣ Забайкальской области, Павлѣ Ивановичѣ Запольскомъ, какъ о правдивомъ, честномъ и отлично знавшемъ свое дѣло человѣкѣ, г. Заборинскій считаетъ, что это было будто бы опрометчивостію съ его стороны поручать мнѣ распоряжаться открыто, и думать, что это и было причиною дѣйствій Муравьева и противъ меня, и противъ Запольскаго. Но неужели г. Заборинскій можетъ не знать, что Запольскій дѣйствовалъ въ этомъ отношеніи не только по словесному, но даже по письменному наставленію самого главнаго начальника, которое Запольскій читалъ всѣмъ, и безъ котораго Муравьевъ постарался бы повредить Запольскому еще болѣе, чѣмъ повредилъ? Неужели г. Заборинскій не знаетъ также, что и самъ Муравьевъ, когда считалъ меня необходимымъ для себя, го не только допускалъ открытія мои распоряженія, но еще самъ же просилъ меня о принятіи ихъ мною на себя, самъ подчинялся имъ и формально требовалъ, чтобы и всѣ имъ подчинялись, какъ и подчинился нисколько независѣвшій отъ Запольскаго, самый близкій Муравьеву человѣкъ, Корсаковъ, не только тогда, когда губернаторомъ былъ Запольскій, но даже и тогда, когда уже и самъ былъ губернаторомъ.

Мы постараемся, когда будемъ имѣть досугъ и возможность, отвѣтить въ свое время на всѣ доводы г. Заборинскаго въ извиненіе Муравьева; здѣсь же не можемъ не высказать глубокаго сожалѣнія о неправильныхъ дѣйствіяхъ у насъ даже тѣхъ изданій, которыя специально посвящаютъ себя на разъясненіе историческихъ вопросовъ и сообщеніе историческихъ документовъ, и которыя обнаруживаютъ очевидный недостатокъ критики въ оцннкѣ историческихъ разсказовъ и крайнюю неразборчивость въ помѣщеніи мнимо-историческихъ документовъ, чему разительный примѣръ показала уже и прежде та же „Русская Страница“, въ которой напечатана нынѣ статья г. Заборинскаго*). Опровергнуть всѣ недѣлности подобной статьи было, конечно, не мудрено, что и было сдѣлано въ № 204 „Моск. Вѣд.“ за 1882 г.; но присорбно быть вынуждаемымъ тратить и время, и трудъ на доказательство снова того, что было уже вполне доказано, и тратить потому только, что вздумается кому-либо для личной цѣли написать чистый вздоръ. Такъ, издатель „Русской Страницы“, сказавъ въ № 12 журнала за 1881 годъ, что „Д. И. Завалишинъ, о необык-

новенныхъ способностяхъ котораго, обширномъ образованіи и трудолюбіи такъ много встрѣчается извѣстій въ запискахъ декабристовъ“, и что въ статьѣ моей по Амурскому дѣлу „многія предвидѣнія и указанія оправдались, и полное безкорыстія и самоотверженія служеніе дѣйствительнымъ интересамъ Россіи было оцннено многими почтенными изъ разныхъ сферъ русскаго общества людьми“,—вслѣдъ за тѣмъ печатае статьи безвѣстнаго какого-то лица, явно ничего несмыслищаго въ дѣлахъ, о которыхъ говорить, въ томъ числѣ ни къ селу, ни къ городу и объ Амурскомъ дѣлѣ, съ отягченной личною цѣлю. А между тѣмъ, вредъ, производимый такимъ дѣйствіемъ, не ограничивается однимъ искаженіемъ исторической правды, но, при затемненіи дѣла снова, повторяются и причины, и послѣдствія зла, а надежда,—что при подслуживаніи и личныхъ цѣляхъ кого-нибудь, и при неразборчивости какого-нибудь издателя печатать все, что попадетъ подъ-руку (я не говорю уже о личной какой-либо цѣли), можно всегда затемнить какія хочешь злоупотребленія,—возбуждаетъ и подражателей имъ.

Д. Завалишинъ.

СЕНАТОРСКАЯ РЕВИЗІЯ.

(Очеркъ изъ туркестанской жизни).

„Къ намъ ѣдетъ ревизоръ!“ Эта стереотипная фраза Сквозника-Дмухановскаго произносилась на разные лады чиновниками и нечиновными жителями уѣзднаго города К. Одни, произнося ее, злорадно улыбались, другіе трепетали, третьи старались казаться спокойными.

— Сенаторъ? спрашивали одни.

— Нѣтъ, одинъ изъ его помощниковъ—не то надворный, не то статскій совѣтникъ Е.

Уѣздный начальникъ былъ видимо спокоенъ, но одинъ изъ его помощниковъ, маіоръ формачіи сороковыхъ годовъ, внутренно трепеталъ, чувствуя за собою немалые грѣшки: участь недавнихъ ташкентскихъ героев—всѣхъ строителей и управителей, теперь какъ тюремныхъ гостей—казалась неизбежною и для него. „А ну, какъ и меня туда же, къ нимъ?“ мысленно разсуждалъ маіоръ: „вѣдь всего годъ до полной пенсіи остался,—а тутъ ревизія!..“

К—ій первой гильдіи крестъ прислалъ въ свою контору телеграмму: „ѣдетъ ревизоръ; выставить лучшихъ лошадей и экипажи; принять, какъ слѣдуетъ; ни въ чемъ не отказывать; языкъ держать за зубами!“

Городъ сталъ чиститься, прихорашиваться. Городовые занялись метеніемъ улицъ, Богъ вѣсть, сколько времени не метенныхъ. Въ присутственныхъ мѣстахъ мыли полы, очищали дѣла; чиновники чинили виц-мундиры своихъ мужей. Случилось даже нѣчто необыкновенное: сами к—цы, ярые картежники, два вечера не играли въ карты и не пили водки! Одна чадолюбивая маіорша наводила справки, холостъ или женатъ ревизоръ; засидѣвшая въ дѣвахъ учительница шила себѣ невообразимаго фасона платье, именуя его „парижскимъ“. Младшій учитель, наливавшійся до delirium tremens, глоталъ десятками сырыя яйца, чтобы поправить голосъ; старшій учитель, не спавшій три ночи за картами и

*) Печатаемая настоящее письмо Д. И. Завалишина, какъ знатока амурскихъ дѣлъ, редакція „Вост. Обзор.“ не считаетъ нужнымъ раздѣлять нападокъ на редакцію „Русской Страницы“ за выборъ историческаго матеріала.

Елисеѣвскимъ коньякомъ, совѣтовался съ докторомъ, какъ бы избавиться отъ отека лица.

Однимъ словомъ, все и вся приготовлялось къ встрѣчѣ ревизора, даже священникъ необыкновенно тщательно заплетъ свои волосы въ мелкія косички.

Въ различныхъ уголкахъ шли самыя разнообразныя толки и разговоры.

— Хорошо, еслибъ ревизоръ ночью пріѣхалъ, враспlochъ, да прямо бы къ нимъ въ управленіе: подать мнѣ такое-то дѣло! Глядь-поглядъ, а дѣла-то и нѣтъ,—сожгли.

— Неужели сожгли?

— Честное слово, сожгли; да не только это дѣло, а еще и другихъ много. И знаете ли какъ? Только-что письмоводителя-жиды отчислили въ распоряженіе самого, безъ содержанія, а онъ и давай дѣла жечь „вотъ какъ!“ Новый письмоводитель увидалъ:— что такое? спрашиваетъ у писарей; а они ему:— мы-де старыя ненужныя бумаги сжигаемъ,—такъ и сожгли. Новый-то принималъ, ничего и не замѣтилъ, да и гдѣ замѣтить: всѣхъ-то дѣлъ въ архивѣ 16,000,—когда ихъ провѣришь!

— Ну, теперь ихъ подтянуть!

— Подтянуть, подтянуть.

Наконецъ, трепетно ожидаемый ревизоръ пріѣхалъ; пріѣхалъ онъ одинъ съ переводчикомъ, въ простенькомъ тарантасѣ на почтовыхъ, отказавшись отъ крзовскихъ лошадей и экипажа. Остановился ревизоръ, сверхъ ожиданія многихъ особъ, чайвшихъ предложить ему свои апартаменты, въ единственной въ городѣ гостинницѣ, обильной клопами, обломками мебели и прочими атрибутами туркестанскихъ гостинницъ. Ревизоръ былъ, что называется, изъ новенькихъ, до сего времени служилъ въ таможенномъ вѣдомствѣ.

Представленіе чиновниковъ прошло благополучно. Началась ревизія.

Является ревизоръ въ одно управленіе.

— Ну, что, все у васъ, надѣюсь, благополучно?

— Такъ точно, ваше пр—ство!

— Дѣла всѣ цѣлы?

— Всѣ-съ.

— Покажите мнѣ дѣло № такой-то.

Дѣло показываютъ.

— Покажите опись дѣла.

Показываютъ и опись.

— На страницѣ 110 отношеніе за № 3 есть?

Открываютъ страницу и показываютъ требуемое отношеніе.

— Суммы всѣ на лицо?

— Всѣ-съ!

Суммы всегда оказываются на лицо, такъ-какъ передъ ревизіями недостающая сумма занимается у какого нибудь кулака и переносится, при надобности, вслѣдъ за ревизоромъ, изъ одного управленія въ другое.

— Хорошо, спасибо! Вижу, что все у васъ исправно; только писаря малограмотны, а чиновники плохо знакомы съ употребленіемъ буквы ѣ,—въ общемъ же все хорошо!

Начальство сияеть, маіоръ Пареный въ восторгѣ.

Ревизія училища.

Входитъ ревизоръ. Ученики, подъ управленіемъ учителя, поютъ „гимнъ“ и затѣмъ какую-то киргизскую пѣсню.

Ревизоръ доволенъ.

— Надѣюсь, что все у васъ, господа, благополучно? обращается онъ къ учителямъ.

— Такъ точно-съ, ваше пр—ство!

— Покажите журналъ „входящихъ“ и „исходящихъ“, а его просмотрю дома, пришлите мнѣ.

Журналъ немедленно отсылается въ „номеръ“ ревизора.

Ревизія училища кончена.

Затѣмъ ревизуются судебная палата, почтовое вѣдомство— и вездѣ все оканчивается благополучно. Вся ревизія въ К—ѣ продолжалась 5 дней; ревизоръ жилъ тихо, скромно, въ карты не игралъ (что особенно удивило к—цевъ), въ гости не ходилъ и никого, кромѣ, какъ по службѣ, не принималъ, днемъ ревизовалъ присутственныя мѣста, а по вечерамъ просматривалъ кое-какія бумаги и журналы. Такое поведеніе ревизора пугало к—цевъ.

— Странно, говорили онѣ:— въ карты не играетъ, въ гости не ходитъ, къ себѣ не принимаетъ, при разговорѣ вѣжливо. Нѣтъ, тутъ что-то неладно. Кончитъ ревизію, пройдетъ недѣля—вдругъ къ намъ бумага: „всѣхъ отчислить безъ содержанія въ мое распоряженіе!“...

При этомъ разсуждавшій чиновникъ невольно вздрагивалъ, и на лбу у него выступали капли холоднаго пота.

Ревизія окончилась благополучно; ревизоръ уѣхалъ. К—цы вздохнули свободно.

— Что это за ревизоръ! Таможенный чиновникъ— и только. Да что онъ смыслить въ нашихъ дѣлахъ?—ничего, говоритъ учитель.

— Ну, можетъ ли таможенный чиновникъ проревизовать, какъ слѣдуетъ, и почту, и уѣздное управленіе, и училище, и казначейство? захлебывался, восклицалъ маіоръ Пареный.— Раньше-то какъ всѣхъ перепугали: кричать — сенаторская ревизія, сенаторская ревизія! Вотъ те и ревизія вся! Да я при такихъ-то ревизіяхъ, дастъ Богъ здоровья, еще сорокъ лѣтъ прослужу!

— А какъ же въ Ташкентѣ-то: сколько чиновниковъ подъ судъ улетѣло! оппонировалъ кто-то маіору.

— Да вѣдь въ Ташкентѣ-то ревизовалъ самъ; извѣстное дѣло, новая мегла чисто мететь,— ну, и вывели кое-кого. Прямо говоря, если у насъ ревизію сдѣлать, какъ слѣдуетъ, (извѣстно, кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ), такъ трехъ мѣсяцевъ мало для провѣрки всѣхъ дѣлъ. Выдали мы ревизоровъ почище: войдетъ въ присутствіе, взглянетъ—такъ и поблѣднѣешь,—а что се-на-торская ре-ви-зія! Это только шелкоперы кричать: тамъ то назначена сенаторская ревизія... надѣмся на оздоровленіе корней... обновленіе— и въ будущемъ цвѣтущее состояніе края... Я и самъ сперва, по правдѣ сказать, трухнулъ маленько, а теперь—хоть сейчасъ десять ревизій выдержу! Не лучше ли, господа, теперь заложить банчикъ? Сто рублей въ банкѣ! Господа, берите, карты!

ГОРОДСКАЯ ЖИЗНЬ.

(Изъ записной книжки туркестанскаго туриста).

Сидятъ, дразня, карты,
 Карты и вино,
 Кредиторы - сарты...
 Вѣчно все одно!
 Глупые доносы,
 Пошленькая лесть,
 Каждый день вопросы:
 „Гдѣ-бъ вкуснѣй поѣсть?“
 „Гдѣ бы въ банкъ сразиться?“
 „Какъ бы обыграть?“
 „Какъ бы подслужиться?“
 „Какъ бы что урвать?“
 Изгнаны журналы,
 Не видать газетъ,
 Каждый день скандалы—
 И конца имъ нѣтъ!

V. С.

ХРОНИКА ЖИЗНИ ЗА НЕДЕЛЮ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

— Въ последнее время, въ Испаніи проявляются то тутъ, то тамъ революціонныя вспышки, въ которыхъ принимаютъ участіе войска. Недовольство существующимъ порядкомъ, анархическая пропаганда общества „черной руки“, недостаточная заработная плата заводскихъ и сельскихъ рабочихъ— все это выразилось рядомъ возмущеній въ различныхъ провинціяхъ. Въ ночь на 5-е августа, въ Бадаюсъ, инсургенты ворвались въ квартиры мѣстныхъ властей, военныхъ и гражданскихъ, и захватили ихъ. Во главѣ движенія были два полковника, майоръ и два поручика. Мѣстный гарнизонъ передался на сторону инсургентовъ. Народъ брался съ ними, оглашая воздухъ криками: „Даѣ здравствуетъ республика!“ Учредивъ республиканскій исполнительный комитетъ, инсургенты телеграфировали о своемъ успѣхѣ правительству въ Мадридѣ. Въ столицѣ тотчасъ же последовало распоряженіе о прекращеніи возстанія. Генералъ Блонко двинулся съ цѣлюю дивизіею противъ мятежниковъ. Инсургенты, узнавъ объ этомъ, сняли релсы въ восьми верстахъ отъ Бадаюсы, съ цѣлюю замедлить прибытіе войскъ, и завладѣвъ полковою кассою и суммою въ 345,000 фр., принадлежащею мѣстному провинціальному казначейству, скрылись въ Португалію. Одновременно съ движеніемъ въ Бадаюсъ произошло возстаніе въ Барселонѣ. Народъ и мѣстный гарнизонъ вмѣстѣ съ инсургентами провозгласили республику. Фабрики тамъ закрыты, присутственные мѣста также. Прибыло войско, провинція объявлена въ осадномъ положеніи. Инсургенты направились къ Валле и Бруху,—ихъ преслѣдуютъ два полка. Вслѣдъ за этимъ усмирено возстаніе и объявлено военное положеніе въ Каталоніи и Сеуде-Ургелѣ. 9-го августа вспыхнулъ мятежъ, съ участіемъ солдатъ, въ Гаро, въ Нагеръ и въ Санъ-Доминго. Въ послѣднемъ городѣ инсургенты расстрѣляли своего предводителя, заподозривъ его въ измѣнѣ. При приближеніи войска, мятежники вмѣстѣ съ гарнизономъ ушли въ горы. Офицеры нумансійскаго полка отправились за ними въ погоню и, наступивъ, уговорили солдатъ возвратиться. Все это произвело серьезное впечатлѣніе на правительство. 11 августа происходилъ совѣтъ министровъ подъ предсѣдательствомъ короля, а 12-го числа королевская чета выѣхала въ Сантъ-Ильдефонсо. Король подписалъ декретъ, которымъ по всей

Испаніи отмѣняются конституціонныя гарантіи и министерству предоставляется право объявлять осадное положеніе вездѣ, гдѣ того потребуютъ обстоятельства. Мѣра эта, по всей вѣроятности, подольетъ масла въ огонь. Нужно не забывать, что одно общество „черной руки“ насчитываетъ до 50,000 членовъ, а недовольный народъ представляетъ плотную массу, готовую по первому призыву возстать поголовно. Старые монархическіе корни подточены; испанскіе Бурбоны сжумѣли вооружить противъ себя населеніе. Король Альфонсъ XII, несмотря на десятилѣтнее царствованіе, не могъ расположить къ себѣ подданныхъ. Революціонная печать способствуетъ успѣху анархической пропаганды.

— Свиданіе императоровъ австрійскаго и германскаго, по слухамъ, вызвано было отчасти и вопросомъ о присоединеніи Босніи и Герцеговины къ австрійскимъ владѣніямъ; кромѣ того, императоръ Вильгельмъ будто бы высказалъ удивленіе австрійской внутренней политикѣ, допустившей возвышеніе славянской народности, при выборахъ, въ ущербъ ильменскому элементу. Во многихъ мѣстностяхъ въ Австріи произошли сильныя народныя демонстраціи. Въ Пресбургѣ демонстрація была направлена противъ евреевъ. Народъ собрался на площади въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ и кричалъ: „Да здравствуетъ Истоци!“ (извѣстный венгерскій антисемитическій депутатъ). Толпа направилась къ еврейскому переулку, гдѣ, однако же, встрѣтила войско; произошла схватка. Тогда съ горы Шлосбергъ раздалися пять пушечныхъ выстрѣловъ и была двинута кавалерія. Выстрѣлы вызвали крестьянъ изъ окрестныхъ деревень,—выступилъ весь гарнизонъ. Схватки происходили въ разныхъ частяхъ города. Арестованныхъ масса, число убитыхъ и раненыхъ неизвѣстно. 2-го іюля безпорядки происходили въ Пештѣ, арестовано 32 человѣка. 29-го іюля, въ Вѣнѣ, толпа рабочихъ собралась передъ зданіемъ полиціи, съ цѣлюю произвести демонстрацію по поводу конфискаціи одного листка для рабочихъ. Полиція пустила въ ходъ холодное оружіе. Ранено 11 рабочихъ, убито 2, арестовано 38 человѣкъ. Президентъ полиціи и начальникъ полицейской команды были встрѣчены градомъ камней. Ранены четыре полицейскихъ; выступившія войска прекратили безпорядки.

— Германія праздновала четырехсотлѣтній юбилей Лютера. Въ Эрфуртѣ, 27-го іюля, празднованіе началось богослуженіемъ, послѣ чего последовало торжественное историческое шествіе, въ видѣ церемониальной процессіи, въ память того момента, когда городъ Эрфуртъ сопровождалъ реформатора, отправлявшагося на имперскій сеймъ, въ Вормсъ. Изъ Берлина сообщаютъ, что Крашевскій, внесши 30,000 марокъ залога, освобожденъ изъ заключенія, но оставленъ подъ постояннымъ надзоромъ полиціи.

— Всѣхъ жертвъ катастрофы на островѣ Искіи насчитываютъ до 8,000 человѣкъ. Сумма пожертвованій для пособія пострадавшимъ достигаетъ полтора милліона лиръ. Викторъ Гюго и многіе отдѣльныя личности французской націи внесли значительныя вклады.

— Въ Ливерпулѣ окончили политическій процессъ по поводу приготовленія и доставки, для преступныхъ цѣлей, динамита. Обвиненные ирландцы Дизи, Фезерстонъ, Терлиги, Фланагонъ и Дальтонъ приговорены къ пожизненной каторжной работѣ. Начался судъ надъ убійцею Керри, О'Доннелемъ. Подсудимый признаетъ себя виновнымъ и заявилъ, что фактъ совершенъ имъ по порученію феяльскаго партіи. Онъ искренно вѣритъ въ правоту своего послуха. Смерть Керри праздновалась въ Дублинѣ шумною демонстраціею съ плясками и пѣніемъ. Полиція не вмѣшивалась, и торжество окончилось благополучно.

— Во Франціи, по внутреннимъ дѣламъ, наступило затишье. Палата депутатовъ и сенатъ закончили свою сессію. Въ Тонкивѣ умеръ король Ту-Дучъ, и французы надѣются, что при преемникѣ его имъ легче будетъ утвердить свой протекторатъ надъ страной. Адмиралъ Мейеръ предпринялъ демонстрацію съ тремя броненосцами въ сторону Кантона, а командующій французскимъ экспедиціоннымъ корпусомъ об-

народовалъ прокламацію, которая гласитъ, что французы не помышляютъ о завоеваніи Тонкина и явились только съ цѣдью водворить порядокъ и защитить народъ отъ произвола мандариновъ. Съ острова Мадагаскара получено извѣстіе, что адмиралъ Пьеръ подалъ въ отставку. Это, по всей вѣроятности, будетъ служить удовлетвореніемъ англійскаго самодубія. Кромѣ того, слышно о намѣреніи выйти въ отставку морского министра Брена. Здоровье графа Шамбора не улучшается. Фердинандъ Лессенсъ занятъ проектомъ превращенія Сахары во внутреннее море. По его расчету, прорытіе канала отъ берега до шота Рабья (пониженія почвы) обойдется менѣе двухъ милліоновъ франковъ. Онъ употребляетъ все уенія, чтобы расположить министерство въ пользу своего плана.

СОБЫТІЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

— „Недѣля“ не вѣритъ, что казна не будетъ участвовать въ расходахъ на высшіе женскіе медицинскіе курсы. „Какъ хотите, говорить газета, это извѣстіе представляется просто нелѣпостью: если бы правительство не желало принять никакого участія въ содержаніи предполагаемаго института, то съ какой стати министерство народнаго просвѣщенія стало бы такъ хлопотать о правилахъ и программахъ для этого учебнаго заведенія? Въ такомъ случаѣ, гораздо проще и естественнѣе было бы—какъ и предполагалось вначалѣ—просто поконить съ курсами. Напротивъ, изъ того, что министерство такъ ревностно занялось проектомъ преобразованія, повидимому, ясно слѣдуетъ, что оно же и приметъ созданный имъ институтъ ученыхъ акушерокъ въ свое завѣдываніе, наравнѣ съ прочими учебными заведеніями, и внесетъ въ свой бюджетъ новую расходную статью на содержаніе этого института. Что касается до пожертвованій, то за ними, надо надѣяться, дѣло не станетъ,—лишь бы только практика новаго института убѣдила общество въ томъ, что дѣятельность „ученыхъ акушерокъ“ будетъ настолько же полезна и плодотворна, какъ и дѣятельность женщинъ-врачей.“

— Въ „Русскій Курьеръ“ пишутъ:—Въ видахъ открытія въ текущемъ 1883 году перваго курса въ с.-петербургской medico-хирургической академіи, съ допущеніемъ на него 300 человекъ ежегодно (100 человекъ казенноопштинныхъ стипендіатовъ и 200 человекъ своекоштныхъ въ плато по 50-ти рублей въ годъ), военное министерство выработало въ настоящее время на этотъ счетъ слѣдующія правила по надзору за студентами для инспекціи академіи: 1) все студенты, поступившіе въ текущемъ году въ военно-медико-хирургическую академію, обязуются посѣщать свои аудиторіи аккуратно, каждый день, не пропуская ни одной лекціи безъ особенно уважительныхъ на то причинъ, напримѣръ: а) болѣзни, б) необходимой отлучки за городъ и проч.; 2) для этого порядка по контролю за студентами устанавливается слѣдующій порядокъ: а) при входѣ въ академію все студенты приглашаются записывать свою фамилію въ особую-установленную на этотъ счетъ книгу, б) неросписавшіеся въ данный день студенты въ этой книгѣ обязуются своевременно уведомлять инспекцію академіи о той причинѣ, по которой они не могъ быть въ такой-то день на лекціи, и пр. Студенты приглашаются соблюдать все постановленія безпрекословно, въ противномъ случаѣ подлежатъ исключенію изъ академіи, безъ права поступить въ нее когда бы то ни было.

— „Kurjer Warszawski“ сообщаетъ, что въ русскихъ университетахъ имѣетъ войти въ силу предписаніе, по которому студенты на лекціяхъ должны находиться въ мундирахъ. Въ варшавскомъ университетѣ это будетъ требованіе съ 1-го сентября, а въ остальныхъ съ 1-го января.

— „Кіевлянинъ“ передаетъ, что на 8-е августа въ кіевскомъ военно-окружномъ судѣ назначено къ слушанію дѣло

по обвиненію въ государственныхъ преступленіяхъ слѣдующихъ лицъ: дворянина Владимира Александрова Мецкерскаго, 31 года, мѣщанина Василія Саввина Пироженко, 50 лѣтъ, сына инженеръ-технолога Александра Иванова Бычкова, 19 лѣтъ, дворянина Ангела Иванова Богдановича, 22 лѣтъ, отставнаго губернскаго секретаря Ивана Михайлова Саранчова, 26 лѣтъ, сына губернскаго секретаря Василія Елисѣева Гориновича, 23 лѣтъ, и рядового 126 пѣхотнаго рыльскаго полка Исаака Яковлева Левинскаго, 24 лѣтъ. Дѣло будетъ слушаться при закрытыхъ дверяхъ; обвиненіе поддерживаетъ военный прокуроръ г. Галичскій; защищаютъ: Мецкерскаго и Саранчова—присяжный повѣренный Гольденвейзеръ, Пироженка—присяжный повѣренный Линдфорсъ, Бычкова и Богдановича—присяжный повѣренный Пенскій, и Левинскаго—присяжный повѣренный Тальбергъ.

— „Русск. Курьеръ“ сообщаетъ, что министерство внутреннихъ дѣлъ назначило особое лицо для разслѣдованія еврейскихъ беспорядковъ въ Екатеринославѣ.

— Изъ Екатеринослава телеграфируютъ: изъ участниковъ въ бывшихъ беспорядкахъ, 16 человекъ, сопротивлявшихся войскамъ, переданы слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ.

— „Новое Время“ сообщаетъ, что общій итогъ всѣхъ сдѣланныхъ по коронаціи въ Москвѣ расходовъ придворнаго вѣдомства не превышаетъ суммы въ 6.500,000 рублей.

— „Кавказъ“ извѣщаетъ:—17 іюля, въ Каджарахъ на Кавказѣ, депутація отъ тифлисской городской думы вручила графу М. Т. Лорисъ-Меликову дипломъ на знаніе почетнаго гражданина города Тифлиса. Въ рѣчи своей графъ между прочимъ выразился: „Поощреніе послѣднихъ заслугъ дѣятеля, исходящее отъ общественныхъ учреждений, не можетъ не ободрить его, и вотъ почему мнѣ дорого сегодняшнее ваше заявленіе, память о которомъ я сохранию навсегда и передамъ въ завѣтъ моимъ дѣтямъ“.

— Въ „Новостяхъ“ напечатано:—Николай Михайловичъ Пржевальскій изъдѣхъ отправляется въ новое ученое путешествіе по азіатскимъ степямъ. Полковникъ Пржевальскій ѣдетъ изъ Петербурга въ Якуту, куда рассчитываетъ прибыть около 10-го сентября, и въ концѣ названнаго мѣсяца перейдетъ границу Монголіи. Изъ Петербурга съ нимъ отправляются: подпоручикъ Роборовскій (участвовавшій въ предъидущей экспедиціи полковника Пржевальскаго), и вольноопредѣляющійся Козловъ. Новая экспедиція полковника Пржевальскаго продолжится около двухъ лѣтъ.

— „Новости“ пишутъ:—До сихъ поръ, въ иностранныхъ портахъ Тихаго океана русскими консулами, въ большинствѣ случаевъ, назначались лица не русскаго происхожденія—изъ числа мѣстныхъ коммерсантовъ, гражданъ и т. п. Въ настоящее же время, какъ мы слышали, возбужденъ вопросъ о назначеніи въ порты Тихаго океана консуловъ только изъ лицъ чисто-русскаго происхожденія.

— По словамъ „Новаго Времени“, генераль-губернаторъ степнаго генераль-губернаторства, генераль-лейтенантъ Колпановскій, представляетъ на-дняхъ проектъ о введеніи новыхъ судовъ въ вѣтренномъ ему краѣ.

— Та же газета сообщаетъ, что высочайшимъ приказомъ, отъ 30-го іюля, назначенъ военный губернаторъ Тургайской области и командующій въ оной войсками, числящійся по полевой конной артиллеріи, генераль-маіоръ Константиновичъ—бессарабскій губернаторомъ, съ оставленіемъ по полевой конной артиллеріи.

БИБЛИОГРАФИЯ.

Памятники Сибирской истории XVIII вѣка. Книга первая, 1700—1713 г.

Сиб. 1882 г. ч. 2 р. 50 к. Писменные акты, въ которыхъ наша свое выражение жизнь русскаго народа со стороны государственной и юридической, представляють для историка матеріалъ первой важности. Такъ, изъ государственныхъ актовъ прошлаго времени во многихъ случаяхъ можно извлечь вѣрныя хронологическія данныя, такъ какъ такіе акты составляются всегда по опредѣленной формѣ, съ точнымъ обозначеніемъ даты. Правда, можетъ случиться, что извѣстія какой-нибудь царской грамоты, указа, дипломатическаго документа тенденціозны; но и въ этомъ случаѣ акты представляютъ хорошей источникъ для характеристики правительства и даже общества. Затѣмъ, какъ государственные, такъ и юридическіе памятники даютъ много свѣдѣній о жизни бытовой. Въ этомъ отношеніи, въ особенности важны акты юридическіе: напримѣръ, разныя просьбы отъ отдѣльныхъ лицъ, отъ цѣлыхъ сословій, городовъ, свободъ, деревень; даже если допустить, что эти просьбы не совсѣмъ вѣрны, онѣ все-таки даютъ знать, къ чему стремится народъ въ извѣстную эпоху. Договоры, опредѣляющіе отношенія между частными лицами, разныя судебныя дѣла, законы—все это даетъ историку ключъ къ разгадкѣ внутренней жизни общества прошлаго времени, т. е. даетъ историку возможность судить о степени образованія общества, о строѣ общественномъ и о прочемъ. Принимая во вниманіе все значеніе актовъ, какъ историческихъ источниковъ, мы поэтому должны съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣтить изданіе «Памятниковъ Сибирской истории XVIII вѣка». Для такой, мало объясненной и мало разработанной исторіи, какъ исторія Сибири, оборудованіе актовъ есть дѣло первой важности. Напечатанные до сихъ поръ матеріалы для Сибирской исторіи относятся къ концу XVI в. и къ XVII вѣку. Главнымъ образомъ они находятся въ сборникахъ актовъ археографической комиссіи и въ «Описаніи Сибирскаго царства» исторіографа Миллера. Недавно (1882 г.) изданы «Путешествіе чрезъ Сибирь до границъ Китая русскаго посланника Николая Спаарія», относящееся къ XVII вѣку, и «Чертежная книга Сибири, составленная Семеновъ Ремезовымъ въ 1701 году». Въ «Памятникахъ Сибирской исторіи» въ первый разъ появились въ большомъ числѣ (123 №№) сибирскіе акты исключительно XVIII вѣка, обнимающіе время отъ 1700 по 1713 годъ. Эти акты представляють равнообразный матеріалъ для исторіи русской жизни въ Сибири.

Одни изъ памятниковъ рисуютъ намъ непріязненные отношенія между русскими людьми и туземцами Сибири (50 №№). Въ этомъ числѣ есть немного актовъ о такихъ же отношеніяхъ между русскими и народами, обитавшими въ осѣдствѣ съ Сибирью. Изъ документовъ о столкновеніяхъ русскихъ съ инородцами можно живо представить себѣ то лихорадочное стремленіе къ наживѣ и власти, которымъ были одержимы русскіе промышленные, охотѣ и служилые люди въ періодъ завоеванія Сибири. Хотя эти люди, отправляясь въ походъ для отысканія новыхъ земель и для обложения инородцевъ государственнымъ ясакомъ (податлю), выставляли на видъ интересы государственные, однако, на самомъ дѣлѣ они видѣли прежде всего выгоды собственнаго обогащенія и власти надъ дикими и бессильными инородцами, не обладавшими такими средствами обороны, какъ огненный бой, которымъ располагали русскіе. Это безостановочное стремленіе русскихъ людей въ новыя земли, принося въ извѣстной степени несомнѣнную пользу, въ то же время, однако, деморализировало самихъ завоевателей. Такъ, акты, относящіеся до исторіи завоеванія Камчатки, представляютъ намъ, рядомъ съ замѣчательными подвигами служилыхъ людей, какъ походъ на Курильскіе острова, также раздоры этихъ людей, имѣвшіе результатомъ убійства прикащиковъ камчадалскихъ острововъ. Акты о столкновеніяхъ русскихъ съ инородцами Сибири говорить и о другомъ способѣ завоеванія Сибири русскими. Мы разумѣемъ стремленіе русскихъ людей сдѣлаться осѣдлыми въ Сибири и заняться земледѣліемъ. Русскіе, оставивъ походы на сѣверъ и востокъ Сибири, направились на югъ, къ верховьямъ большихъ сибирскихъ рѣкъ, и стали заводить пашни. Судя по актамъ, свободы начали основываться одна за другой. Но русскимъ земледѣльцамъ въ Сибири, въ особенности на ея окраинахъ, пришлось вести тяжелую борьбу съ разными инород-

цами—съ киргизами, банкирами, казымками и др. Кочевники сознательно старались не дать основаться осѣдлой русской жизни въ Сибири. Изъ актовъ видно, что инородцы, съ этою цѣлью, нападали на свободы преимущественно въ лѣтнее и осеннее время—жгли деревни, угоняли скотъ, брали крестьянъ въ плѣнъ, хлѣбъ на корню тощали конями, а собранный въ скирды сожигали. Не довольствуясь такимъ разбоемъ, инородцы (напр., киргизы) иногда подвергали русскіхъ крестьянъ жестокимъ мученіямъ. Такъ, разъ «одного человѣка поймавъ, живьемъ, и ногами вверхъ привезавъ на дерево и распоролъ у него грудь и ругались всячески» (№ 13, стр. 70). По другому извѣстію, киргизы крестьянамъ «носы и уши рѣзали» (№ 21, стр. 96). При такихъ условіяхъ, русскимъ крестьянамъ приходилось быть въ одно и то же время земледѣльцами и воинами. Правда, русское правительство старалось обезопасить свободы отъ нападѣній инородцевъ, но это было трудно. Инородцы, заявляя воеводамъ свое желаніе жить въ мирѣ съ русскими, въ то же время небольшими толпами, иногда, впрочемъ, доходящими до нѣсколькихъ тысячъ, внезапно нападали на русскія деревни. Крестьяне, терѣвшіе отъ инородцевъ, иногда сами, безъ содѣйствія правительства, составляли отряды и совершали походы въ мѣста инородческихъ кочевьевъ, особенно въ зимнее время.

(Продолженіе будетъ).

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

1-го августа вышла и разслана подписчикамъ VIII-я, АВГУСТОВСКАЯ, КНИГА ИСТОРИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе: I. Императоръ Александръ Николаевичъ въ эпоху войны 1855 г. — II. Василій Андреевичъ Жуковский. — III. Константинъ Николаевичъ Батюшковъ. — Дневникъ Вильгельма Карловича Нюхельбергера: 1834 г. — V. М. Ю. Лермонтовъ въ переводахъ французскихъ писателей. (Окончаніе). — VI. Александръ Николаевичъ Стровъ въ воспоминаніяхъ стараго правоведа, сообщ. М. М. Молчановъ. — VII. Воспоминанія Людмилы Ивановны Рикордь, вдовы адмирала П. Ив. Рикордь. — VIII. Владиміръ Ивановичъ Назимовъ: письма къ нему десервина, вносѣдствіи императора Александра Николаевича. — IX. Воспоминанія О. А. Пржецлавскаго. — X. Императоръ Николай Павловичъ. — XI. Маскарадъ въ С.-Петербургѣ въ 1841 г. XII. Архіерейскій пѣвческій хоръ при Архіепископѣ Смарагдѣ, воспоминанія бывшего дисканта-солиста. — XIII. Историческіе матеріалы: Справка 1728 г. о личности убійцы царевича Дмитрія. — Замѣчательный помѣщикъ временъ Петра I, и проч. — XIV. Библиографическіе листки.

Приложеніе. Портретъ Марыи Андреевны Протасовой, въ замужествѣ Мойеръ † 1823 г.

Продолжается подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“
изд. 1883 года.

Четырнадцатый годъ изданія, 12 книгъ въ 4-хъ томахъ, цѣна съ пересылкою девять руб.

Городскіе подписчики въ С.-Петербургѣ и Москвѣ благоволятъ подписываться въ книжныхъ магазинахъ Мамонтова.

Инородные исключительно обращаются въ редакцію „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, въ С.-Петербургѣ, Большая Подъячская, домъ № 7.

Имѣется еще и можно получить: „РУССКАЯ СТАРИНА“
изд. 1882 года. (Осталось 77 экзмп.).

Цѣна ДЕВЯТЬ руб. 12 книгъ съ 12-ю портретами, съ пересылкою.

Продается книги: I. «ЦАРИЦА ПРАСКОВЬЯ», съ ея портретомъ, отпечатаннымъ красками, цѣна два руб. съ пересылкою.

II. «Записки Сельскаго Священника», изданіе исправленное. Цѣна одинъ руб.

Въ редакціи «Русской Старины» можно получить прежніе годы сего изд., именно: 1870 г. (третье изд.); 1876 г. (второе изд.); 1877—1879 гг.; 1880 г. (второе изд.); 1881 г. Цѣна за годъ по ВОСЬМИ руб. съ пересылкою.

Изд.-ред. «Русской Старины» М. И. Семовскій.